

DOWN

Менеджерам нового поколения посвящается

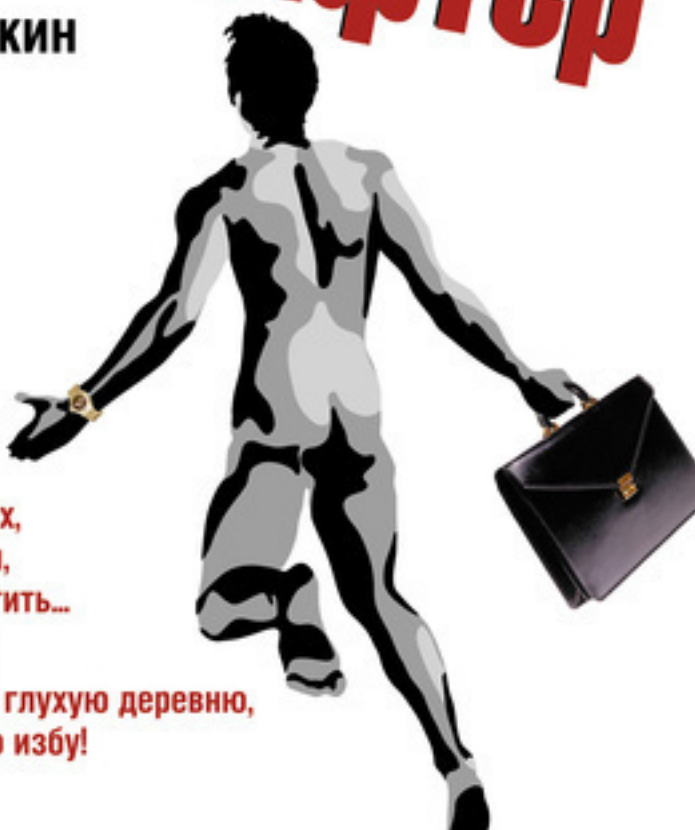
Макс
Нарышкин

Шифтер

Корячиться
полжизни,
ползти вверх,
пригибаться,
лизать, льстить...

На хер!

Отпустите в глухую деревню,
в трухлявую избу!

Макс Нарышкин

Downшифтер

«ЭКСМО»

Нарышкин М.

Downшифтер / М. Нарышкин — «Эксмо»,

Представляют ли опасность эти люди для общества – еще никто не задавался целью выяснить. Зато известно, что они – бомба замедленного действия для корпораций. Их мысли – потемки, их души – загадки. Достигнув пика карьеры и получив от жизни все, о чем только может мечтать человек, они вдруг добровольно отказываются от всего. Их называют дауншифтерами. В строгом костюме руководителя, под маской успешного бизнесмена у руля крупной компании может оказаться человек, способный за день уничтожить отлаженный корпоративный механизм и переодеть весь коллектив топ-менеджеров в лагерные клифты. Он уйдет, унося с собой тайны фирмы, и кто станет их обладателем в будущем, не может предсказать даже сам Господь Бог... Дауншифтинг – это не мода. Это осознанная необходимость увидеть мир таким, каков он есть. Это билет в один конец, и придется еще немало потрудиться, чтобы он не стал билетом на собственные похороны.

© Нарышкин М.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Макс Нарышкин

Downшифтер

Пролог

В ту пору я работал главным редактором местной газеты «Алтайский вестник». Сорокалетний возраст и нежелание уезжать в Москву позволяли мне чувствовать себя в редакции синьором. Справедливо рассудив, что все, на что я могу рассчитывать в Москве, это должность младшего редактора в какой-нибудь невзрачной газетенке с сомнительным директоратом, а скорее всего вообще останусь без работы, ехать в столицу я не спешил, не спешу и сейчас, о чем, признаться, не сильно жалею.

Через двенадцать лет после начала работы в «Вестнике» я стал главным его редактором и заодно вел рубрику криминальных происшествий. Я не планировал этого заранее, все вышло само собой, к криминалу и его описанию я никогда не имел отношения. Скорее всего вышло так потому, что за работу в колонке о криминале мне платили столько же, сколько за колонку о сельском хозяйстве, но, чтобы написать статью о сельском хозяйстве, нужно было попотеть, в криминальной же рубрике мне частенько не о чем было писать, и я добросовестно переписывал туда рассказы о Шерлоке Холмсе. Кроме того, мое приобщение к криминальному чтиву выгодно располагало ко мне коллег, поскольку человек, имеющий хоть какое-то отношение к борьбе с криминалом, по моему мнению, вызывает уважение. Бесспорно, что в том и другом сказалось мое запоздалое честолюбие, требовавшее сатисфакции за все промахи моей жизни.

В общем, из написанного очевидно, и скрыть это невозможно, – я безмерно страдал на самом краю мира. Работа в газете с зычным названием «Алтайский вестник», который с равным успехом можно было назвать и «Шаманским», поскольку добрую часть в нем занимали рецепты бывалых знахарей и советы, как правильно толочь коренья, унижала меня до глубины души, интересной работы не было, и оттого, видимо, я имел вечно надменный вид, как бы объясняющий, что мое нахождение здесь лишь временное явление, такое, к примеру, как наказание журналиста ВВС, сосланного на Яву за нарушение трудовой дисциплины в головном офисе в Лондоне.

Дожди в октябре зарядили невиданные, так что я даже перестал ходить на обед в столовую, расположенную в ста метрах от редакции. Мною овладела межсезонная лень, а в отсутствие толковых статей сотрудников, особенно внештатных, в которых, прежде чем понять смысл, нужно было исправить сотни ошибок, эта лень трансформировалась в диковинную обломовщину. Наверное, я спал бы и умывался за столом, если бы это не вызывало недоумения вокруг. Воры в такую погоду в Алтае на улицу не выходят, и все, что мне оставалось, это грезить о спектаклях Любимова в живом формате и верить в то, что когда-нибудь в этом забытом дьяволом местечке случится что-то невероятное. Я, если к тому времени не отупею окончательно, распишу эту тему, буду подмечен центральными изданиями и за меня меж ними вспыхнет чудовищная междоусобица. Победит тот, кто положит мне самое большое жалование, и Москва встретит меня, распахнув объятия. Но я торопиться туда не буду, и победители будут страдать и нервничать. Так я думал, дожди шли вторую неделю, но все, что за это время случилось, – это покусание бродячей собакой брата начальника отдела кадров Дома быта и падение со второго этажа маляра с ведром краски. Благодаря такому ходу истории, скажу я вам, меня скоро не в Москву переведут, а вообще сократят.

В то утро передо мной лежала статья местного жителя А. Ынгарова. Наконец-то я встретил человека, фамилия которого начинается на букву Ы. Это, видимо, меня и подкупило. Я принял материал к рассмотрению, потому что на конверте было написано: «Креминал». По

написанию первого же слова уже было ясно, что меня ждет, но это было первое письмо за две недели, и я, судорожно вздохнув и снова вспомнив Любимова, вскрыл ножницами конверт.

Суть статьи была такова. Тов. Ынгаров, дай бог ему здоровья, предлагал экономить воду. Для этого им предлагалось следующее. Стиральную машину-автомат нужно устанавливать таким образом, чтобы шланг слива отработанной воды уходил не в канализацию, а в бачок унитаза. Таким образом, холодную воду за ненадобностью в туалете можно вообще вырубить, поскольку для слива экскрементов будет использоваться вода из стиральной машины, и в этом рационализатор Ынгаров видел экономию. К письму прилагался чертеж сооружения, тов. Ынгаров настаивал на признании его изобретения гениальным. Нарисованное от руки сооружение решительным образом напомнило мне стоящую на сцене певицу из голливудского блокбастера «Пятый элемент». Попутно, для пушей уверенности в том, что туалет будет находиться в чистоте, он рекомендовал использовать раз в неделю «Креминал». Покопавшись в памяти и произнеся «Креминал» вслух несколько раз, чем порядком удивил младших сотрудников редакции, я вспомнил, о чем идет речь. Крем «Инал» продается в местных магазинах как рекомендуемое средство чистки водопроводных труб. Мною овладело бешенство. Причиной тому было, конечно, не письмо человека, которому на Алтае личной проблемы не сыскать днем с огнем, и потому он решил одарить таковой окружающих, а моя сермяжная жизнь вообще. Я сел и написал ответ, при этом не отказывал в публикации и не благодарил за сотрудничество. Я задал в письме автору единственный вопрос и попросил на него ответить. Выглядел он так: «Нужно ли каждый раз, когда захочется в туалет, начинать стирать белье?» Поставив подпись, я бросил письмо в корзину для отдела контактов и направился в угол кабинета заваривать кофе.

И тут появился он.

Молодой человек лет тридцати или около того вошел в огромное помещение, которое мы называем «нашим кабинетом», вежливо поприветствовал находящихся в нем женщин, и после его вопроса я перестал брнчать в чашке ложкой.

– Скажите, кто у вас здесь заведует криминальной темой?

Я посмотрел на гостя. Это был очень хорошо одетый мужчина, ростом выше среднего, он был крепок в плечах и держал в одной руке тонкий кожаный портфель, чем, несомненно, располагал к себе, а в другой – завернутый в почтовую бумагу и перевязанный бечевой четырехугольный предмет, несомненно тяжелый, чем вызывал, напротив, опаску. Я не люблю людей, приходящих в редакцию с большими предметами, подлинная суть которых скрыта за плотной упаковкой.

Отозвавшись, я повел его в свой закуток и уже там, пригласив присесть, как следует рассмотрел. Я не верю голубым глазам, но на этот раз почувствовал доверие. Глаза смотрели на меня без намека на необходимость двойного чтения прячущихся в голове мыслей, но еще большее доверие внушал спокойный и даже смущенный вид. Единственное, что не вписывалось в общий портрет привыкшего к размеренной жизни, расчетливого человека, был тонкий красный шрам на верхней губе. Впрочем, он не портил созданного мною образа гостя и придавал ему некий романтизм только что вернувшегося из джунглей старшего научного сотрудника.

Представившись человеком издалека, молодой человек спросил, не слышал ли я чего о событиях полуторамесячной давности, всколыхнувших тишину и размеренный ход жизни городка к западу от Барнаула.

Об этом городке я знаю немного, бывал там пару раз, последний из них – неделю назад. Единственное, чем впечатлился, это грандиозное по нынешним меркам строительство церкви на месте старой. Говорят, в старой убили священника, но принимать это на веру я бы не торопился, поскольку в городках таких много о чем говорят, и подавляющее большинство баек – поросшие мхом небылицы. Например, совсем недавно житель Барнаула видел самого настоящего черта. Черт сидел на лавочке у его подъезда, курил на пару с соседом папиросу и, увидев

жителя, сказал ему: «Ах, горемыка ты, горемыка...» Вызванный женою жителя и прибывший к месту нахождения черта патруль успел вовремя – муж уже разыскал в сарае топор.

Отчасти жители, шепотом рассказывающие свои истории, наверное, правы. Что-то неладное происходит в последнее время с этим городком. Вот и церковь стали строить невероятную, если учесть бюджет города, что же касается церкви на улице – кажется, Осенней, – то ту, наоборот, снесли. Такое на нашей родине уже случалось, однако, когда снесли эту церковь, на Осенней, никто не протестовал и правителей не хулил. Разламывали храм сами жители. Впрочем, не храм даже, а то, что осталось после пожара. Причину самовозгорания храма установить не представилось возможным, поэтому в протоколе пожарного инспектора так и было написано: «Вследствие короткого замыкания проводки». В общем, церковь сначала сторела, а потом ее доломали. Это невероятно, однако причины тому, видимо, были, и оттого передающиеся из уст в уста истории не кажутся такими уж нереальными.

Что же касается событий, о которых говорил гость, я о них тоже слышал, и они до сих пор еще бередают умы сельчан и сыщиков и обрастают сплетнями и небылицами ввиду отсутствия достоверной информации. Поскольку городок не вписывался в очерченную государственным устройством зону действия нашей редакции, я особенно не вникал в их суть и лишь сожалел, что одна за одной наступившие в течение недели смерти случились не под моими окнами, а далеко от них. Я сказал молодому человеку, что о событиях слышан, но мне известно о них лишь то, что связаны они с каким-то приезжим, запомнить которого толком никому из горожан так и не удалось. Говорят, человек имел в Москве много денег, но вдруг оставил в столице работу, рассеял свой круг знакомств, отказался от нажитого капитала и приехал в глубинку, чтобы остаться в ней навсегда. В городке он прожил всего неделю, после чего, испугавшись, видимо, наступивших последствий, уехал прочь. Больше об этой истории я ничего не знал, но не преминул воспользоваться случаем, чтобы выразить свое отношение к главному:

– Видимо, речь идет о сумасшедшем, потерявшем себя в Москве и не нашедшем там, где он решил себя обрести. Уставшее от восторгов жизни молодое поколение в отсутствие возможности желать что-то еще начинает придумывать себе новые развлечения. Это неминуемо приводит к трагедии, а если не к трагедии, то к окончательной дезориентации в социуме.

– Тогда нам есть резон познакомиться поближе, – сказал мой собеседник, улыбнувшись чему-то и снова застыдившись своих слов. Это был очень мнительный человек, и в этот момент мне подумалось, что он, верно, приехал как раз из Москвы, из редакции какой-то газеты, чтобы набрать материала и раскрутить его в столице. Такой маневр мне известен из знакомства с сотрудниками городского УВД. Сыщики из ГУВД приезжают в район, где случилось преступление, ведут разговор о том о сем с местными операми, маленько выпивают, уясняют суть, после чего быстро раскрывают преступление и увозят добычу в ГУВД.

Я не был против знакомства, но понял, что ухо с этим приезжим нужно держать остро.

– В свое время я был близко знаком с этим человеком – сумасшедшим, как вы его назвали. С человеком, который устал от восторгов жизни. Это о нем ходят слухи, опровергать которые ни я, ни он не хотим ввиду их нелепости. А потому обратиться к вам меня заставила не жажда торжества справедливости, а личная выгода. Он попросил меня написать правду о тех событиях и сбросить груз, нести который ему нет никакой необходимости. Лучше всего это выразить в виде литературного произведения, поскольку чего меньше всего хочется моему другу, так это интереса к этой правде правоохранительных органов.

Дело принимало новый оборот, и мой кофе остался остывать на углу стола.

– И что вы хотите? – тоном кровожадного человека спросил я.

Он нарочито медленно, как мне показалось, поставил портфель себе на колени, открыл его и вынул компакт-диск. Когда коробка с яркой этикеткой оказалась на моем столе, мужчина бросил портфель себе под ноги и придвинул диск ко мне еще ближе.

– Здесь вся правда о том, что происходило в те семь дней, что он находился в городке. Исповедь дауншифтера, если хотите. Не верьте слухам, не слушайте, что говорят сыщики. Вся правда – здесь, – и он постучал ногтем по коробке.

– А что – здесь? – Я чувствовал, что мне вручают тайну, новым хозяином которой я не хотел бы быть.

Молодой человек подумал и пожал плечами:

– Я не слишком силен в литературных определениях. Я писал так, как мне позволяло высшее образование и мои ощущения. Не исключено, что это роман, хотя вы, как профессионал, можете счесть материал достойным урны. Впрочем, мой друг не настаивает на публикации этой вещи.

– Зачем же тогда вы пришли в редакцию?

То ли подумав, то ли просто выискивая повод, чтобы закурить, он сунул руку в карман, и я придвинул к нему пепельницу.

– Рискую показаться неоригинальным, – сказал он, затянувшись, – но, думаю, им руководит только проблема очищения души. Очень многое, если не все, осталось в этой истории недосказанным, а это значит, что он является носителем тайны. А он не хочет быть носителем тайны. Тайна – это тяжесть, которая заставляет подбирать слова и быть осторожным. Но он устал быть осторожным, и пока вся правда тех событий находится у него в голове, за семью замками, он никогда не добьется того, к чему идет вот уже два месяца.

– А к чему он идет, позвольте вас спросить? – с издевкой поинтересовался я.

Но ему мои нравственные изыскания были безразличны. Он, как и в первый раз, пожал плечами, поморщил лоб и ответил:

– Ему двадцать восемь. Самое время начинать новую жизнь.

– Мы не печатаем романы, – подумав, ответил я, уже зная, что вставлю диск в компьютер сразу, как только посетитель уйдет.

– Тогда издайте его под своим именем, – произнес парень и сухо рассмеялся. – Гонорар тоже заберите себе, мне он не нужен. Поправьте его, отредактируйте и издайте, ну, в той же Москве, я не знаю... За рубежом, если это будет кому интересно. Впрочем, можете и не издавать. Сам факт того, что мой друг поделился тайной хотя бы с двумя людьми, снимет с него груз ответственности.

– А кто первый?

– Я.

Сейчас он напомнил мне рационализатора Ынгарова. Тот тоже полагает, что изменит мировой взгляд на оборудование туалетных комнат. Еще больше мне не понравилось перекалывание какой-то ответственности на мои плечи. Надо сказать, что, прохаживаясь голым в этой редакции вот уже двенадцать лет, я совсем позабыл о таком понятии, как «ответственность», и, признаться, вдаваться в суть его определения снова мне уже не хотелось, да и, кажется, возраст был уже не тот.

Не знаю, что он там написал, но устно мысли свои он высказывал складно и доходчиво, и я не хотел бы попасться ему на язык в момент обострения его красноречия. Я засиделся в этой глуши порядком и отмечаю тот факт, что, когда ко мне приходят образованные люди, начинаю разговаривать одними вопросами, и уважения это ко мне, конечно, не добавляет.

– Хорошо, – сказал я, закругляя разговор. Положив руку на диск, я похлопал по нему ладонью и еще раз посмотрел в глаза странного гостя: – Вы оставили здесь свои координаты?

– Зачем? – удивился он. – Я же сказал, что мне ничего не нужно. Единственное, что я сделаю, это позвоню вам...

– Месяца через три, – живо подсказал я, заметив в его глазах вопрос и решив сразу дать ему понять, что в этой редакции люди не в потолок плюют, а занимаются делом. И лишь только

потом, закончив главные дела, переходят к изучению литературно-художественного творчества читателей. – Не раньше. Сейчас материал валом идет, жатва только закончилась, озимые...

Он посмотрел на меня с упреком, словно недоумевая, каким образом озимые могут помешать редактору криминального отдела редакции прочесть его материал. Впрочем, вслух он не сказал ни слова. Кивнул и поднялся.

– Но вас ведь как-то зовут?

– Мое имя не может играть никакой роли для издания этого романа. Вставьте любой псевдоним. Что же касается моего друга, то пусть он останется для вас Артуром Бережным – так он просил назвать себя в... – он хотел сказать: «в романе», но вспомнил, видимо, про озимые. – ... в этом материале. И напоследок одна просьба. Я оставляю вам это, – он указал на пакет. – Не мне принадлежит – не мне хранить. Когда развернете, поймете, где ей место.

– Ей? – уточнил я на всякий случай.

– Вот именно. – И молодой человек протянул мне руку и для прощания, и в качестве благодарности за то, что у меня не хватило ума отказать в приемке багажа.

Как только я пожал ему руку и за ним закрылась дверь, я тотчас включил компьютер, и вентилятор мгновенно вышиб из машины столб пыли. Пока морально и физически одряхлевший «Пентиум» третьего поколения загружался и истерически подмигивал мне, я вспомнил о пакете.

Секунду подумав, я сорвал с конверта бечеву, разодрал бумагу и интимным взглядом, еще не понимая, что передо мной, посмотрел на предмет...

Дыхание мое перехватило, я метнулся к окну, чтобы окликнуть того, кто мне *это* принес. Я с грохотом откинул форточку и даже, по-моему, крикнул, но мужчина уже садился в машину и закрывал за собой дверцу.

Тяжело дыша, я опустил на стул и откинул мешавшую мне видеть предмет целиком бумагу.

Передо мной стояла на полу Троеручица... Покровительница странников и путешественников, она удерживала Христа тремя руками, и на серебряной цаце ее, на лице Иисуса и сияющем нимбе застыли бурые пятна. Давно пролитая кем-то кровь окропила икону, словно жертвенной влагой...

Уже чувствуя приближение неприятностей, я оглянулся в надежде убедиться, что мое поведение полоумного никто не заметил, завернул икону и, решив сначала поставить ее под стол, почему-то испугался и поставил ее рядом, хотя никакой зримой разницы при этом не обнаружил.

Диск въехал в устройство, и я сразу начал читать роман, не заметив того момента, когда меня повели по следам чужой прожитой жизни.

Говоря о том, что более важные дела откладывают прочтение и, следовательно, рецензию на три месяца, я солгал и сейчас очень об этом сожалел. Коллеги уже давно ушли домой, а я все сидел у монитора, дымил сигаретой и ловил взглядом стремительно летящие передо мной строки.

С первых же строчек я почувствовал тягу к чтению романа, а если уж потянуло меня, человека, который вправе называть себя критиком, значит, произведение стоило того, чтобы я дочитал его до конца.

Он наделил меня правом корректировать и издавать свой роман, и я, наверное, этим правом воспользуюсь. Иначе я не представляю, как еще люди могут узнать о тех событиях. Я изменю имена главных героев и место действия, потому что не хочу, чтобы однажды в мой дом вошли сыщики из ГУВД. Это как раз та категория лиц, которым трудно объяснить, как человек написал роман, после чего передал его другому человеку для издания под своим именем, отказался от гонорара и уехал в неизвестном направлении. Чтобы понять это, нужно прочесть

сочинение автора до конца, а я не думаю, что у сыщиков из ГУВД Барнаула будет время для такого занятия.

Решено, я издам роман. Быть может, многие, решившие пойти дорогой Бережного, вовремя одумаются. Но, что бы ни случилось далее и когда бы странный гость ни справился о судьбе своего романа, я буду ждать этого мгновения с нетерпением. У меня есть к нему разговор. Очень серьезный разговор. И плох тот, кто, прочтя все, что расположено ниже этих строк, не будет иметь такого же страстного желания.

Я очень хочу снова встретиться с этим человеком, представившимся другом Бережного, еще больше хотел бы встретиться с самим Артуром, но не знаю, случится ли это...

А теперь я предоставляю вам возможность познакомиться с его новой жизнью, той, которую он добровольно принял, отказавшись от всех благ в Москве. Кроме имен и места событий, повторюсь, я не изменил ни единого слова, так что вы можете прочесть роман в том виде, в котором я его получил. И да поможет вам бог...

Глава 1

На алтарь величия этой компании он положил многое, если не все. Когда президент сказал ему: «Дима, я рад, что у тебя будет ребенок, но теперь я понимаю, что семья будет отнимать у тебя время», он велел жене сделать аборт. Уходя, она сказала ему: «Ты псих». Он стерпел это, потому что знал – вернется, успешных не оставляют. Как только он займет освободившееся место начальника отдела, она поймет, ради чего были сделаны жертвы, и вернется. А ребенок что? Он еще не родился, он даже не выглядит человеком на третьем месяце, он весом-то всего с пачку масла, какой это человек? Дети еще будут. И вот когда он займет место начальника отдела, он позволит себе расслабиться и начать тратить то, что заработано за годы сумасшедшей гонки. На жену, детей. Он будет путешествовать. Да, да, обязательно будет. Но чуть позже. Совет директоров не может не видеть его стараний. Через три-четыре года, когда кресло начальника отдела будет для него тесно, ему предложат должность вице-президента.

Он знал наверняка, что предложат. Таковы корпоративные правила. Есть высоты, которых достичь невозможно. Они передаются из рук в руки наследникам, но близость к этому кругу гарантирует невероятные перспективы тем, кто находится внизу пирамиды. И пока есть время и силы, нужно двигаться. Не то движение начнет кто-то рядом и опередит. А это означает потерю не только времени, но и места вообще.

И он двигался. Он забыл, когда в последний раз звонил родителям. Дважды они приезжали из Саранска в его дом, и жена со смущенной улыбкой извинялась за то, что его срочно вызвали в командировку, и он-де даже не успел толком с нею-то попрощаться. А он действительно находился далеко. Неправда жены заключалась лишь в том, что он мог выбрать между поездкой и встречей с родственниками, которых не видел два года. Но теперь, уходя, жена сказала: «Пусть им лжет кто-нибудь другой. Ты – псих, и ради твоей скотской должности я убила свое дитя. Я ненавижу тебя». И ушла.

Но он знал – вернется. Сразу после того как он станет начальником отдела. Конкурс вошел в заключительную стадию, и теперь у жюри не должно быть даже сомнений в том, кто должен занять это место.

Еще в пятнадцать часов, перед самым ланчем, он о чем-то разговаривал с консультантом по продажам Верой Звонаревой, нервно хохотал и, показывая головой на закрытую дверь, за которой заседало жюри, острил: «У них, верно, голова пухнет!» И хохотал. Он точно знал, какое будет решение. Четыре года он отказывал себе во всем. Он убил своего наследника, потерял семью, он уже и не помнил, когда в последний раз смотрел старый добрый фильм или читал что-то, кроме сводок и отчетов, так может ли быть такое, чтобы решение было другим? От бессонницы он лечился порошками, обедал в кабинете жидким горячим суррогатом, предлагаемым «Магги», он бы мог перечислить еще с добрый десяток глупых поступков, лишаящих его полноценной жизни, но ни за что бы на свете не вспомнил, когда у него в последний раз был секс. Кажется, как раз в тот день, когда был зачат этот, помешавший его карьере ребенок, которого выскребли сразу, едва президент сообщил ему свои сожаления по поводу беременности его жены. Теперь жена ушла, и секса не было вовсе. Не то чтобы не хотелось, просто не было времени, а за отсутствием его, свободного, хотелось не так уж сильно.

– Кажется, тебя можно поздравить, – сказал консультант по работе с дебиторами Гриша Заев, проходя мимо стола, на котором сидели в ожидании решения жюри он и Вера.

Он глупо улыбнулся, отмахнувшись тем, что, мол, нет ничего смешнее этих заседаний. Всем ясно, что ему место не светит, что на него больше подходит Григорий Заев, он говорил еще что-то, из чего, напротив, следовало незамедлительно догадаться о его уверенности, что выберут непременно его, а не Заева.

Его можно было пригласить в курилку и там посмеяться над формализмом совета директоров вместе, но четыре года назад, узнав, что никто из совета не курит, он бросил сразу и решительно. Он даже увлекся конной выездкой, потому что лошадей какой-то особенной, нежной любовью любил президент.

Он скакал на лошади в Тропаревском конном клубе, как на корове, отбивая себе яйца и почки, но бросить это занятие уже не мог. Его тоже засасывала любовь к лошадям. Он стал различать в их глазах печаль и грусть и, когда президент просил подержать ему стремя, с готовностью соглашался, сетуя на то, что Эфир нынче немного нервен, и советуя президенту быть осторожнее.

Вечерами, говорят те, кто бывал у него вечерами, он не мог успокоиться, все время порывался говорить о продажах, вставал из-за стола, расплескивая пиво, и быстрым шагом шел к столу, торопясь записать идею, подвернувшуюся во время разговора, который этого совершенно не предполагал.

Он приближался к своей цели столь уверенно, что самой мысли о том, что выберут не его, а Заева, в голове его не присутствовало.

А потому, когда его пригласили на заседание и объявили, что начальником отдела продаж выбран Заев, он продолжал улыбаться и смущенно мять пальцы. Да, конечно, Заев. Все правильно. Президент и совет директоров ошибиться не могли. Здесь не ошибаются. Иначе бы компания не была столь могущественна. Вот на таких вот винтиках, как он, Заев, и президент и компания и движутся вперед. В едином корпоративном порыве, когда вся семья единомышленников...

Ему сказали, что после долгих обсуждений двух кандидатур выбор было решено остановить все-таки на Заеве. Рвение второго кандидата оценено по достоинству, и нет, верно, причин, унывать. Все будет, сказал президент, и ему вторил совет, о'кей.

Он вышел из зала и направился напрямиком в кабинет. «Ну, можно поздравить?» – спрашивали его по дороге. Он нервно кривил рот, полагая, что улыбается, и говорил о том, что был уверен в выборе Заева.

Зайдя, он заперся и зачем-то позвонил жене. Разговор не склеился, из фраз жены выходило, что на развод она уже подала, и встречать ее не нужно, поскольку это делает другой, и чего еще не нужно, так это нелепых сцен, поскольку все люди серьезные, а он так в первую очередь, поскольку лучше всех знает, что такое нравственный самоконтроль. Глупо, глупо, сказала она и, помявшись, сообщила о том, что три дня назад ей звонили на сотовый его родители, и она на всякий случай сказала, что он в командировке, но он обязательно перезвонит, как только вернется.

Не найдя на столе ничего подходящего, он увидел сумочку Веры, нашел в ней помаду, машинально, как привык делать это всегда, запомнил, что от «Буржуа», придвинул к стене стол, забрался на него и стал писать. Писал он до тех пор, пока тубус не начал царапать покрытие.

Когда дверь сломали, женщины с криком попятились, а я на правах вице-президента вошел первым...

Он привязал шнур от портьерной кисти к трубе у самого потолка, затянул на своей шее петлю и, поджав ноги, прыгнул с подоконника. Веревка оборвалась, но за мгновение до этого сломались его шейные позвонки.

И сейчас он сидел, прислонившись спиной к стене, и его розовая сорочка до самого ремня была залита вылившейся из горла кровью. Галстук сиял от влаги, и казалось, что это именно он, а не петля был виной тому, что Журов, самый, наверное, жизнерадостный и целеустремленный человек в компании, перестал жить.

На стене слева от него аршинными буквами было написано: «Я НЕ НАВИЖУ ВАС, ТВАРИ! Я, А НЕ ЗАЕ...» Видимо, последнее слово было – «Заев». Должен был быть, вероятно, и восклицательный знак в конце. А то и два. Но помада кончилась, и об окончании посла-

ния нам, «тварям», можно было догадываться, лишь приглядываясь к глубоким царапинам на штукатурке.

Я смотрел на него, сидящего у батареи отопления, с тем равнодушным отвращением, с которым всегда смотрят на умершего неблизкие ему люди. С таким же чувством я смотрел бы и на жабу, прыгнувшую мне на ботинок, и на проползшего мимо меня ужа, и на дохлую собаку. Ни жаба, ни уж, ни собака не сделали мне ничего плохого, они были отвратительны только потому, что были. Так устроен мир – кто не любит жаб, ужей и дохлых собак, тот их ненавидит без каких-либо на то причин. И это бездыханное тело с мутными глазами, вывалившимся языком и заострившимися чертами лица мне тоже ничего плохого не делало сейчас и не делало ранее. Напротив, оно делало только то, что хотел я. Но это был уже не тот человек, которого я знал и немного презирал, а нечто лишнее в этом кабинете, предмет, совершенно не вяжущийся ни с политикой компании, ни с ее слоганом «Мы делаем жизнь лучше». Скорее он, этот труп, опровергал слоган. Он всем своим видом противопоставлял себя корпоративной дисциплине.

Если бы не начальник службы безопасности по фамилии Гома, остановивший мое распоряжение сразу, едва оно прозвучало, то его незамедлительно бы выполнили: вынесли труп на улицу. Я слышал о том, что смерть человека нужно описать, оприходовать и что тело после увезут с какой-то бумагой на специальной машине. Но все мое существо требовало немедленно вынести тело из здания. Прежде чем прислушаться к начальнику службы безопасности и отменить приказ, я успел подумать о том, что все равно труп нужно вынести. Само его нахождение здесь отрицало принципы конструктивной политики компании.

Президент был того же мнения, но было ясно, что это не что иное, как шок.

«Конечно, мы поможем семье и организуем похороны», – сказал я следователю, уже убедившемуся в том, что причиной суицида стало число 600. И только после этого узнал, что жена от Журова ушла, что он приказал убить собственного ребенка и что родители у него живут, оказывается, в Саранске.

А теперь о числе 600. Следователь подкатил на удивление образованный, почитывающий в свободное от расследований время книги философов. Я точно знаю, что долго он при такой образованности не удержится. Руководители на дух не переносят людей, знающих то, чего не знают их руководители, особенно если эти знания неожиданно интересны. Но вот, посмотрика ты! – он знает о числе 600. То есть мы с ним читали одну и ту же книгу. Не знаю, в чьей редакции читывал ее он – мне кажется, что в другой, поскольку у меня есть основания полагать, что он не знает английского, мне же таить нечего. О числе 600 я узнал из источника, заслуживающего мое доверие, – из материалов исследований американских психологов, состоящих на службе в ЦРУ.

Оказывается, если у тебя срезали кошелек, можешь смело записывать в свой пассив 30 очков. Если у тебя умер дядя – 60. Мама – 100. Если тебя отmaterили на улице – вноси в графу 10 очков, если избили – 50, а если при этом сняли вещи – 70. Если от тебя ушел любимый человек, то, как бы ты ни старался логически обосновать необходимость его ухода, придется внести в графу «потери» не менее 80. Предательство друга янки оценивают в 70, известие о заражении венерическим заболеванием – в 50, потерю работы – в 100, авторитета – в 80 и так далее и тому подобное. У каждого явления существует свой тариф. И каждую неприятность, предлагаемую жизнью, тебе придется выкупать за предлагаемую сумму независимо от твоего желания.

Все ничего, смерть близкого человека сама по себе – потрясение, но потрясение проходит, как и все в этом мире. Рано или поздно ты все равно списываешь набранные очки, как списываешь финансовую задолженность авансовым отчетом. Но в американской теории есть трагедия, поскольку иначе и быть не может, чтобы была Америка, но не было трагедии.

Главный принцип теории американских психологов заключается в том, что нельзя себе позволять накапливать неприятности. К потере денег или к разводу нужно относиться макси-

мально спокойно. Но рано или поздно в жизни многих случается так, что часы бьют неожиданно, и ты оказываешься не готов к встрече нового дня. Дело в том, что само по себе число 100 или 30 ничего не значит. Однако если у тебя утром срезали кошелек, в обед ты узнал, что скончалась твоя тетя, а ближе к вечеру ты возвратился домой и обнаружил, что тебя обворовали, и обворовали как раз в тот момент, когда жена занималась любовью с соседом в квартире напротив, то все числовые значения произошедших событий придется сложить. И штурмить тебя будет, стало быть, уже по полной программе того числового значения, на которое ты набрал взятку при игре с жизнью в покер.

Если сумма неприятностей зашкаливает за 600, человек уже не владеет собой. Его ведет что-то другое, упущенное вниманием бога, нечто темное и невероятно сильное духом, точнее, бездухом. Человек хладнокровно наматывает на локоть срезанную на балконе веревку, вынимает из футляра опасную бритву или вставляет в прорезь карточку метро, точно зная, что через две минуты окажется на рельсах. И его ничто и никто не сможет остановить. Через десять минут он или повиснет в ванной, или вскроет вены, или размажется по всей длине рельсов на станции «Серпуховская».

Через неделю после того как Журов был похоронен, а следователь закончил свое следствие, я сел за стол в своем кабинете, чтобы закончить свое расследование.

На моем листе красовалась цифра 500. Столько очков я насчитал в послужном списке самоубийцы за последнюю неделю его жизни. Десятки людей, очевидцев, психологов и друзей Журова восстанавливали недельный цикл жизни самоубийцы так же, как собирают в ожерелье сотни жемчужин руки детишек из Юго-Восточной Азии. Я всеми силами старался найти недостающую сотню, и начальник службы безопасности, с которым я провел эти семь дней, решил, наверное, что я тоже тронулся. Но последних ста баллов я так и не сумел отыскать.

Отвергнутый советом директоров кандидат на пост начальника отдела региональных продаж сунул свою голову в петлю, имея в пассиве 500 баллов.

И это скверно для моего следствия, поскольку американские психологи уверяют в том, что решение расстаться с жизнью к человеку неминуемо приходит только тогда, когда судьба над ним посмеялась на все 600.

Я был тем, кто при подавляющем количестве голосов против Заева встал и сказал:

– Уважаемое жюри, я знаю Журова шесть лет и, как первый заместитель президента компании, не могу сказать о нем ничего плохого. Однако назначать на один из ключевых постов компании человека, о котором можно сказать лишь то, что о нем нельзя сказать ничего плохого, было бы непростительной глупостью. Он чересчур старателен, факт, он обладает хорошей памятью, поспорить и с этим невозможно. Он хочет подняться по служебной лестнице, и это похвально. Но у него нет той восхитительной особенности очаровывать людей, какая присуща Заеву. Мой выбор – Заев. Прошу жюри принять обоснованное, беспристрастное решение, мою же речь рассматривать только как желание члена жюри высказать свое мнение. На то имеет право каждый из нас, не так ли?

Буду откровенен, среди этих двоих куда больше мне нравился Заев. Была в нем какая-то жилка, не до конца еще развитая, но уже с намеками на мастера. Ему, как и Журову, не хватало чуть-чуть опыта, немного сообразительности, оригинальности и дерзости. Но Заев потерянные очки мог набрать уже через год, он двигался вперед, спотыкаясь о камни маркетинга, но все-таки поднимаясь. А Журов, тот волок за собой воз по ровной, наезженной колее, и ему не хватало сообразительности чуть-чуть прибавить, чтобы груз был доставлен быстрее. И он не поднимался, он не смотрел по сторонам, пытаясь понять, где находятся участвующие с ним в одной гонке конкуренты, он просто пахал без отдыха, как добросовестный госслужащий. Я не берусь утверждать, что это плохо, но компания по продаже сухих смесей – очень хрупкая инстанция. Если ее своевременно не подпитывать энергией и хитростью, она рухнет, подняв облако из этих смесей.

Последние несколько месяцев совет директоров пристально наблюдал за этими двоими. Выбрать из дерзкого и упрямого и педантичного и взвешенного оказалось непростой задачей. Совет следил за тем, как они реагируют на рынок, какие идеи их ведут и как Заев и Журов относятся к поражениям. Признаюсь, я помогал Заеву. Что-то подсказывало мне, что именно он, а не его честолюбивый соперник укрепит наши позиции в регионах. Вместе с советом я смотрел за их работой без комментариев ровно месяц. Когда же убедился в том, что смотреть за тем, как работает Заев, мне приятнее, я стал ему помогать. Негласно, конечно, узнай об этом совет, эти мнящие себя гениями производства и сбыта бонзы посчитали бы себя оскорбленными. Еще бы, мать-перемать! – они тут целых тридцать дней не спят, не едят, все наблюдают и оценивают, свою бесценную энергетику транжируют на лохов, а Бережной тем временем с ними в дурачка играл!

Но я делал так, чтобы никто не узнал.

Хороший флешбэк Заев получил, «присоединившись» по моему совету к гастролям второсортных звезд. Самолеты с «Корнями», «ВИАГРой», Петросяном и камарильей «Фабрик» не успевали присаживаться на взлетные полосы Омска, Новосибирска, Магадана и Туруханска, как в магазинах нашей компании во всю витрину вписывались имена тех, кто приезжал. Трехметровые «виагристики» давили стекло своими бюстами, и у их ног располагалась выкладка из наших каш. Я запретил самодеятельному Заеву делать какие-либо пояснительные надписи или рекламные слоганы. Налетать на первосортные иски по факту незаконного использования лика второсортных звезд в рекламе мне не улыбалось. И без того ясно: «Видите, какие сиси? Это от каш, что под нашими сисями». «Каждое утро мы с Женей едим эту кашу, – должен был додумывать омич, глядя на то, как из витрины магазина нашей компании, из-под горы пакетов, улыбается Елена Степаненко, – и вы знаете, какой кейс от этого образовался? У него тоже появилось чувство юмора!» «Я никогда не пел раньше. Мне и в голову не приходило, что с таким голосом можно петь. Я всегда стеснялся выходить на улицу, потому что нужно было просить прокомпостировать билет в трамвае, спрашивать, который час... Но случилось невероятное. Друзья из „Фабрики звезд“ посоветовали мне есть эту кашу. И вы знаете, я запел», – много и подумать нельзя было, вглядываясь в лицо Никиты Малинина, вставленное в витраж магазина и обложенное кашей.

Вызываемый постерами эффект оказывался многократно усиленным крупномасштабной рекламой звезд организаторами тура, и я объяснил Заеву, тихо объяснил, чтобы эхо моего голоса не донеслось до совета, что лучший способ продвижения своей продукции – это не вламывание в проект невероятного по масштабам собственного капитала, а библейски спокойное присоединение к чужому проекту. Затраты на PR – 0\$. Отдача – едва ли не выше, чем у организаторов, едва не потерявших штаны на рекламе. И, главное, никаких претензий со стороны антимонопольного комитета, второсортных звезд и потребителя. Я не знаю, растут ли от наших каш сиси, но что никто от них не протянул копыта – это достоверная информация.

Так Заев стал начальником отдела региональных продаж, а я спустя неделю после этого не могу найти недостающую сотню очков из тех, что ударили по Журову.

В данный момент я имею: невероятный стресс от смерти исполнительного сотрудника, чудовищную усталость за год, полгода назад умерла моя мать, а две недели назад угнали мой «Ауди». К угону следует добавить трату на «Кайен», который в планах на жизнь не присутствовал. Я уже не могу видеть эти стены, подо мной качается пол, и я не ухожу в отпуск разве что потому, что с каждой неделей мой банковский счет пополняется на тридцать тысяч долларов. Вчера мне стало известно, что Бронислав, президент компании, разговаривал обо мне с Гомой, и в этот же вечер на вечеринке в Доме актера у меня пошла носом кровь.

Пока врач ломал ампулы с дибазолом и папаверином и весело болтал, следя за моими зрачками, пока вдавливал мне в вену смесь и говаривал о том, что неплохо бы мне взять отпуск и попить морского воздуха, я думал о том, куда девалась недостающая сотня Журова. Доктор

свидетельствовал, что на Сейшелах нынче удивительно хорошая погода, а я лежал и думал о том, что какой, черт возьми, может быть отпуск, если следящий за каждым моим движением второй заместитель готов тут же представить свой проект на суд жюри. Плохиши в могущественных компаниях приживаются удивительно легко. А еще я думал о том, что еще придумать для розыска недостающей сотни, поскольку если ее не найду, то мне можно смело записывать эту сотню в пассив себе. И чем внимательней я смотрел на свою взбухшую вену, тем отчетливей понимал, что этой сотни может оказаться вполне достаточно для кое-чего.

Глава 2

В 1963 году синоптик Эдвард Лоренц выступил с шокирующим мир заявлением. Все 1963 года от Рождества Христова люди считали, что большие явления являются следствием больших причин. Соответственно, малые, незначительные события появляются на свет благодаря исключительно малым причинам. Лоренц был первым, кто объявил это чушью.

Он спросил себя, и я думаю, что случилось это в тот момент, когда ему в лицо подул ветерок: «Может ли быть такое, чтобы бабочка, взмахнув крыльями в Океании, вызвала тем ураган на западном побережье США?» Этот человек искал ответ на вопрос многие годы и, наконец, ответил на него положительно.

Сейчас это называют «эффектом бабочки», и мало кто догадывается о том, что это открытие является одним из способов выполнения плана компании. Я не имею к этому открытию никакого отношения, но я один из тех, кто его использует. Я наблюдаю его каждый день в магазинах компании, но уверен, что мои продавцы, выполняя все мои установки, не понимают до конца, в чем смысл. На самом же деле они подтверждают закон «эффекта бабочки», закон, где малые усилия приносят огромную прибыль.

Приходит человек и говорит, что ему нужно пять упаковок сухих каш. Девочка за прилавком извиняется и сообщает, что через пять минут заказ будет исполнен. Человеку предлагается кофе, и он со стаканчиком в руке, чтобы убить время, начинает прохаживаться меж прилавков. За те пять минут, что он и еще десять ему подобных со стаканами бродят по магазину, они набирают товара еще в три раза больше, чем планировали потратить на пять пачек сухих смесей.

Через пять минут человеку вручают заказ, рассчитывают за дополнительный товар и вручают в качестве бонуса баночку детского питания, стоимость которой включена в общую стоимость покупки.

Клиент потрясен обслуживанием, не догадываясь, что только что явился объектом превращения в жизнь «эффекта бабочки». Маленькое событие – бесплатная «задержка» заказа принесла компании дополнительную прибыль в 50 долларов.

«Эффект бабочки» распознать невозможно, поскольку невозможно провести все параллели из прошлого к настоящему, дабы произвести анализ. Лишь спустя некоторое время, достаточно долгое, я могу с уверенностью сказать, когда бабочка взмахнула для меня крыльями впервые.

Это неслышное шевеление, о последствиях которого я даже не догадывался, случилось месяц назад.

Во дворе, где я живу, на Кутузовском проспекте, часто появляется один человек. В любое время года он одет в темное (боюсь ошибиться с цветом), изношенное до состояния ветхости драповое пальто, едва достигающее ему до колен. На ногах его кирзовые без шнурков ботинки, из которых торчат лодыжки вечно босых и грязных ног, а на голове порюханная, лоснящаяся от несметного количества лас бейсболка. Зимой он заменяет бейсболку на треух с оторванным козырьком, со слипшимися волосками меха. Он ничего не просит. Он просто приходит и стоит у арки «колодца» моего дома. Первое время я не придавал этим появлениям никакого значения. Москва переполнена бездомными и нищими. Часто случалось так, что кто-то из жильцов дома притормаживал, совал что-то человеку в руку, и тот незамедлительно уходил. У меня же правило – никогда ничего не подавать, поскольку я верую в то, что любой человек, любого вероисповедания и наклонностей, в состоянии наладить свою жизнь так, как наладил ее я. Человек должен работать, чтобы выбраться из порочного круга своих слабостей, он обязан подчиняться сначала дисциплине своей внутренней силы, а потом корпоративной дисциплине

компании, которая увидит необходимость в его талантах. А потому моя машина проезжала мимо этого человека не останавливаясь.

И меня не смущало, что часто я вижу этого мужчину, больного, несомненно, мужчину, с девочкой лет десяти-двенадцати. Мужчина никогда не стоял рядом с аркой вместе с ней. Но всякий раз они вместе куда-то направлялись. Я мог видеть их у магазина, у метро или просто идущими по улице. В последнем случае они всегда передвигались у стен домов и никогда у бордюра или по центру тротуара.

Девочка брела рядом с ним всякий раз со свойственным рано повзрослевшим детям тоскливым ожиданием справедливости в глазах. Я понимал, что она испытывает невероятную неловкость за то, что в Москве скорее больше, чем меньше, мужчин, одевающихся лучше, чем ее папа, – я именно так понимал ее взгляд. Мне не стоило усилий подметить, что испытывает она стыд именно за него, а не за свои заштопанные колготки, поношенное платьице, и неловкость ее связана именно с его растрепанной и давно не мытой головой, а не с ее, хотя и чистенькой головкой, но явно неухоженной. Я часто вижу такие пары. Вечно пьяный отец волочит за собой ребенка с целью зашибить хоть немного денег на бутылку, пользуясь русскими извечными – добротой и состраданием. Мое мнение не менялось долгое время, и причиной того, что мое отношение к этому человеку изменилось, стал один случай, рассказать о котором есть смысл.

Однажды моя соседка попросила съездить в больницу и забрать результаты анализа своего ребенка. Я дружен с ее мужем, он владеет автосалоном на Ленинградском, иногда мы вместе выпиваем, но не в этом суть. Главное, что мало-помалу мы выполняем просьбы друг друга, и лично мне это доставляет удовольствие. Я поехал на работу, пообещав завезти бумажки вечером, и по пути заскочил в поликлинику.

В поликлинике я забрал результаты и уже готов был выйти, как вдруг увидел его. Бродяга был одет как обычно, и ничего нового в нем, кроме разве что медицинской карты в руке да бейсболки, которая на этот раз была не на голове, а торчала из провисшего кармана, я не заметил. Поскольку поликлиника детская, меня заинтересовал сам факт того, что тронутый умом бродяга занимается такими сложными для него социальными процедурами, как привод больного ребенка к врачу. Уже всем давно известно, что дети бомжей никогда ничем не болеют и способны безбоязненно пить даже из лужи. Отбирая у них перспективы на счастливую жизнь, господь дает им столько здоровья, сколько забирает у успешных людей.

Он стоял посреди зала и напоминал подбитую камнем птицу – здесь, среди благополучных мам с чистенькими детьми, он хотел бы, видимо, куда-то прибиться, да не мог. Скособоченный призрак с взлохмаченной головой и торчащими из широких коротких штанин босыми ногами, он стоял посреди зала, а в углу, на скамье, сидела и смотрела куда-то мимо него его дочь.

Не знаю почему, но я решил дождаться их выхода из поликлиники. Через четверть часа они появились на крыльце, и я выбрался из-за руля автомобиля.

Вообще-то я уже полчаса как должен был быть в офисе, куда прибыли представители из головной компании. Они привезли из Германии новые веяния, и отсутствие во время их демонстрации вице-президента вызывало, наверное, немало вопросов. Но мой телефон был отключен, и поэтому найти на них ответы ни президент, ни моя секретарь не могли.

– Я часто вижу вас во дворе своего дома, – сказал я, обращаясь больше к девочке, чем к мужчине. Мне в ту пору казалось, что такому умному человеку, как я, лучше разговаривать с двенадцатилетней девочкой, чем с таким сорокалетним мужчиной. – Я всего лишь хотел помочь вам...

Я не знал, как обозначить свой поступок. С другой стороны, казалось, что дача денег таким людям возможна и без объяснений. Вынув из бумажника несколько тысячных купюр, я протянул их девчужке.

Но она братья не стала, а посмотрела на отца. Тот посмотрел на деньги, на меня, а потом словно нехотя выудил из предлагаемого мною веера одну бумажку.

– Я даю вам все, – объяснил я.

– Нам не нужно все, – вдруг сказал он, – спасибо.

Почувствовав, как у меня сам собою морщится лоб, я спросил, откуда ему знать, сколько именно ему нужно вообще, если в данный момент у него нет и копейки.

– Нам нужно ровно столько, сколько хватит, – это был ответ настоящего безумца.

– Хватит на что? Послушайте, – сказал я, – кажется, вы вполне здоровы... Но вот этот вид ваш, бедная девочка... Почему вы не работаете?

– На кого? – спросил он, и я почему-то замолчал.

Не дождавшись ответа, они развернулись и куда-то снова пошли. Шагов через пять или шесть мужчина обернулся и, посмотрев на меня взглядом вполне здорового человека, пророчил:

– Ты устал, верно?

И девочка его, повернувшись ко мне, виновато улыбнулась. Ей было стыдно за плохо одетого отца.

Я не помню, что мне говорили в офисе и что отвечал на это я. Передо мной все это время стоял человек в донельзя поношенном драповом пальто, и он спрашивал меня: «На кого?»

Через три недели со мной случилась неприятность в Доме актера. А потом повесился Журов. А между кровотечением из носа и суицидом произошла еще одна история, и это как раз та история, объяснений которой я не нахожу до сих пор.

В последнее время я зачастил в Серебряный Бор, в резиденцию босса. Вообще-то босс – это Бронислав, и мы с ним на «ты», и это «ты» очень отличается от «ты» в нашей компании, где принято разговаривать друг с другом запросто, демонстрируя этим пошлым панибратством единство духа. На самом деле единство духа в нашей, как и в любой другой, компании заменяет коллективная вонь, и каждый работает только для того, чтобы отхватить побольше премиальных в конце месяца-квартала-года. Весь смысл работы от президента до самого низшего звена менеджмента – продать больше, чем хотелось бы. Продать, втюхать, впарить, свалить и вычистить склад к окончанию срока – вот цель моего существования на планете Земля. Той же проблемой озадачены еще несколько тысяч человек, славящих компанию. Не я создал эту идею, и не мне потреблять продвигаемые нами товары, я посредник между умниками и идиотами. За каждый месяц этого посредничества я беру по сто двадцать тысяч долларов. Быть может, руководить стадом зашоренных баранов, не приносящих обществу пользы ни на грош, мог бы и Журов, но он не был столь искушен в людских слабостях: оттого, верно, и погорел.

Иногда мне кажется, что в заднице каждого сотрудника компании, возглавляемой великим прохиндеем и бывшим сотрудником ФСБ Брониславом, имеется гнездо для штекера. Проще говоря, эти жопы универсальны, и в них без проблем может вставить свой фирменный шнур кадровик любой другой компании. Потом он хлопнет ладошкой по ладошке вновь принятого, и тот отправится в привычный путь.

Броня в последнее время, я заметил, стал тяготеть к природе. То есть стал нарушать им же придуманные (да не им, конечно, а историей менеджмента) законы труда. Совещания он проводил у себя в особнячке из калиброванного бруса, там же и планировались задачи на неделю. В один из таких дней, работая явно с перегрузкой, я отправился к нему.

Рассчитывая пересечь Москву-реку в районе Гребного канала, я так и сделал. Проехал Нижние Мневники, пересек реку во второй раз, в ее второй петле, выехал на Карамышевскую набережную, наложил на себя крест, увидев серые от темного неба купола церкви Троицы в Хорошеве, переехал реку по мосту в третий раз, в третьей ее луке, и, когда абсолютно был уверен в том, что нахожусь на улице Таманской и до резиденции президента компании не более

пяти минут езды, мне вдруг стало нехорошо. В смысле – я не заболел, мне лишь показалось, что я делаю что-то не то. Я остановил машину и в полном недоумении вышел на дорогу.

Ветер рвал на мне куртку, бросал в лицо пригоршни воды, и изумление мое было столь велико, что я даже не замечал этих вынужденных неудобств.

– Не может быть, – пробормотал я, стирая с совершенно мокрого лица потоки воды. – Этого просто не может быть.

Удивлению моему не было предела, когда я, уже почти преодолев две трети расстояния, разделявшего Крылатское и Серебряный Бор, понял, что не удалился от офиса и на треть. Моя машина стояла на улице Нижние Мневники, и из последнего следовало, что я только что приехал туда, откуда начинал свой путь. То есть пересек последний из мостов в направлении к своему офису в Крылатском.

– Как же так, – пробормотал я, моргая и тем самым смахивая с ресниц тяжелые капли дождя. Я всматривался в расстилающуюся передо мной панораму, пытаюсь убедиться в том, что ошибся, что нахожусь не в Крылатском, откуда выехал, а в Серебряном Бору, где должен был закончиться мой путь, но каждый раз, находя взглядом едва видимые в шторме очертания знакомых мест, бормотал, словно пораженный сумасшествием: – Вот улица Крылатская, вот остановка, где люди садятся в 243-й автобус, чтобы доехать до церкви... а справа... я ничего не понимаю... Олимпийский спортивный центр «Крылатское»... А как же Нижние Мневники, которые я проехал?.. Как же «Мерседес», подрезавший мой «Кайен» на Карамышевской, в пяти километрах от Брониного дома?.. Я же почти до него доехал...

Решив, что в дороге вышел из темы и где-то ошибся, а я действительно однажды разворачивался на сто восемьдесят градусов в районе Карамышевской набережной – там перекопали улицу, я вернулся в машину и, отягощенный смутными думами, снова поехал повторять только что преодоленный, по моему мнению, путь.

– Не исключено, что я просто ошибся, – повторял я, вглядываясь в едва видимую часть дороги, появляющуюся передо мной в стекле. – Проехал я не мост в Серебряном Бору, а мост в Крылатском, дважды. В такую погоду заплутать немудрено. Развернулся, из-за плохой видимости выехал не на ту дорогу и поехал в обратную сторону. И крестился я не на церковь в Хорошеве, а на купола прихода в Нижних Мневниках.

Я бормотал, успокаивая взволнованную душу, понимал, что всему виной непогода, однако вместе с этим отдавал себе отчет в том, что крестился на купола, глядя налево, а приход, которым себя успокаивал, должен был находиться справа по ходу движения.

– Ну, конечно, – обрадовался вдруг я, когда понял несостоятельность своих подозрений, – я же видел крышу прихода, когда уже ехал обратно. Что за напасть... Впервые в жизни вижу в Москве такой шторм.

Этим и успокаивался дополнительно, поскольку находился в тех молодых годах, когда упоминание о собственном возрасте не свидетельствует о давности событий.

Я снова повторил свой маршрут и, когда, казалось бы, до Брониного дома оставалось чуть менее пяти километров хорошей ровной дороги, снова выехал на набережную в Крылатском.

Выйдя из машины, я даже позабыл захлопнуть дверцу. И потоки воды, рвущейся со всех направлений, ринулись внутрь. Они заливали коврики в салоне, гепардовые чехлы на сиденьях, рулевое колесо и приборный щиток, но я, выразивший столь небрежное к личному имуществу отношение, смотрел прямо перед собой и, уже не отмахиваясь от слепящих потоков дождя, стоял посреди дороги, пустой и безжизненной. Обувь моя уже давно пропиталась влагой, ступни холодила сентябрьская вода, а я стоял на разделительной полосе широкой трассы и осматривался.

В моей жизни бывали и более необъяснимые случаи. Я, дипломированный историк, до сих пор не могу понять, почему мироточит Богородица, а потому относил это за счет явления святых сил. Удивлялся, как дочь соседа, несмышлениш совсем еще, научилась совершенно

четко и правильно разговаривать в два года, а в четыре уже читала. Но сейчас, не наблюдая жизни не только в Крылатском – дорога, доселе изобилующая пролетающими мимо машинами, была пуста, словно речь шла об улице Крылатской, расположенной в штате Невада, но и во всей Москве – то ли из-за ливня, то ли по другой причине, я не видел ни единого огонька московских окон и рекламы, я оцепенел, словно пораженный молнией.

Дважды проделав длинную дорогу, я не приблизился к дому президента в Серебряном Бору ни на километр. Все, что мне было позволено созерцать, это не вековые сосны подле особняка, а пустынную дорогу в Крылатском.

– Господи, – бормотал я непослушными серыми губами. Уж не знаю, кто меня подучил, но шептал я быстро и без задержек, как читала смешная дочка соседа: – На всякий час этого дня во всем наставь и поддержи меня...

Я вглядывался в крошечный мрак, расстилающийся передо мной, и в душе моей зазвела струна дурного предчувствия.

– Дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне этот день, господи. Я еду к президенту компании, и если я не доеду, то потеряю если не все, то многое, от этого мне хорошо не будет, а потому может ли быть такое, что это именно ты сворачиваешь меня с пути?

Я сказал и не поверил своим ушам. Оказывается, бывает... Хотел сказать – «черт возьми», но вовремя остановился.

И тут я поднял глаза к небу... И сердце мое почти остановилось, когда небеса распахнулись и свинцовые тучи, скомкавшись в оскаленную морду с кровоточащими деснами, бросились на меня с высоты...

И страшный грохот разрезал и без того бушующий шум урагана...

Закрыв в первый момент голову, я с побледневшим лицом опомнился и без намека на вызов поднял взгляд.

Но дикого оскала не было, словно его не было вовсе. Небо было прежним, и лишь короткие, разрезающие сразу в нескольких местах небесную твердь молнии убедили меня в том, что мне, видимо, нездоровится.

Догадавшись, что простыл и нервничаю от собственных ошибок, я покачал головой, позвонил Брониславу и, сказав, что заболел, поехал домой.

В тот вечер мне привиделось страшное, не видимое другим. Но как тогда быть с мертвенным запахом, который донесся до моего обоняния в момент обрушения на меня пасти, запахом, который не исчезает до сих пор?..

Я лежал на кровати, закинув руки за голову.

Почему эта история всплыла сейчас в моей памяти и куда запрятал свои роковые сто баллов Журов – вот вопросы, которые мучили меня на удивление изошренно. Кажется, мне и самому недалеко до того момента, когда часы пробьют, а я даже не успею в последний раз повязать галстук. Я закрыл глаза. Перед глазами моими стояли отчеты, накладные и финансовые строки. Они упорядоченно уплывали вверх в надежде на то, что я успею запомнить все до последней цифры. В ушах гудел омерзительный звук, собравший воедино стук клавиш сотен клавиатур, стон десятков принтеров. И мелькали, мелькали резиновые, лишённые чувств лица сотрудников компании, и из задниц их, оборудованных гнездами, тянулись разноцветные провода, ведущие к единому пульта управления...

А за строками, лицами и звуками со знанием великой тайны в глазах стоял человек в заношенном пальто, который спрашивал меня: «На кого?»

Я хотел вспомнить, что он сказал мне напоследок, но у меня не получилось.

Не заморачиваясь вопросами о том, куда ехать, я нашел в своем доме самый скромный по виду, зато самый вместительный чемодан. Загрузил его до отказа вещами, преимущественно спортивного толка, и купил билет на поезд. В том, что дальнейшая моя жизнь зависит именно

от этой поездки, я не сомневался. Тихое помешательство и потеря облика – вот что гарантировала мне Москва, отмахнись я от идеи бросить все и остаться наедине с миром. Моя поездка к Брониславу в Серебряный Бор, самоубийство Журова, разговор с нищим и бессонница, воспоминания об этом – не самые лучшие воспоминания – уводили меня от Москвы все дальше и дальше. Я понимал, что еще один месяц работы в компании, и меня можно будет списывать в архив. Наживший полтора миллиона долларов молодой человек, имеющий квартиру на Кутузовском, «Кайен», счет в банке и авторитет в бизнесе, вдруг стал ненужным самому себе.

Глава 3

Как это ужасно, я понял, когда лежал ночью на кровати и перед глазами моими, словно перед окнами, пробегали колонки цифр и изувеченные корпоративными улыбками рожи сотрудниц и сотрудников. Прочь! Прочь от сумасшествия!

Во мне не жила уверенность в том, что нужно все бросить по социальным мотивам, нет! Если честно, то людей, оставляющих бизнес из протеста против детского труда в Юго-Восточной Азии или в пику фастфуду, я не понимаю. Не хочешь жрать холестерин – не жри, черт тебя побери! Не хочешь носить шубу из шкуры меньшого брата – не носи! Занимайся делом, которое не будет провоцировать открытие рабочих мест для детей в Лаосе и Мьянме! Не выступай ради идеи, тебя все равно никто, кроме тебя и тебе подобных роботов, не поймет. Обрыдло чудить с андроидами на совещаниях и демонстрировать пошлый джинсовый демократизм по пятницам – гони себя прочь. Уже ничего не исправить. Система вросла в мозг каждого корнями. А потому, если тебе не нравится режим, не вселяй в себя еще большее сумасшествие – не революционер. Уйди. Вот эти casual Fridays, педерастические приветствия ладошками по утрам, доклады, отчеты и планерки, акции, ориентированные на дефективного потребителя, – если обрыдло все это, уйди ниже, сними печать проклятья со спины, но только не бастуй.

Но я уйти ниже уже не могу. Меня уберут по всем правилам бизнеса. Несмотря на то что я вице-президент, уже на следующий день, после того как будет известно о моей просьбе спуститься в стан топ-менеджеров, меня выдавят из команды. Руководители и кадровики на дух не переносят тех, кто сбрасывает скорость на поворотах. В их головы никогда не втиснется идея о том, что человек просто устал или пересмотрел свое отношение к жизни. Они будут свято убеждены, что им под брюхо сполз товарищ, который имеет свой план и знает что-то, чего не знают они. А руководители крупных компаний не держат рядом людей, которые имеют план. И плевать на то, что никакого плана нет. Вышибут.

А потому уходить нужно сразу и навсегда. У меня был выбор. Я его сделал.

На следующий день после того как мое заявление об увольнении было подписано, я уехал. Шок, потрясший компанию, был столь велик, что на описание его уйдет не менее пятисот страниц огнедышащей прозы, а у меня, признаться, нет желания даже на секунду вспомнить лицо Бронислава и этих девок из аналитического отдела, разговаривающих посредством междометий.

Я не мог сыграть на понижение, потому что уже через месяц мой натренированный мозг придумал бы новую схему движения товара и сокращения рабочих мест. Я точно знаю, что это привело бы, как и все мои начинания, к росту прибыли. Через месяц мне предложили бы подняться, а еще через месяц я выглядел бы невероятно глупо, продвигая идеи уровня президента компании, находясь на должности заместителя начальника отдела. Все закончится еще более тяжким кризом, чем в Нижних Мневниках. Зверь, напавший с неба, сожрет меня, уже не тратя сил на предупреждения.

Я должен был оставить все и сразу. В Москве остался счет в банке, квартира стояла под охраной, и я хотел, чтобы она не видела меня, а я ее как можно дольше. Будет хорошо, если мы вообще никогда не встретимся. «Кайен» я загнал приятелю, и эти деньги были моим единственным капиталом, с которым я отправился на Алтай. Наверное, я дерьмовый раскольник, раз везу с собой один миллион и сто тысяч рублей, но я понятия не имею, как нужно вести себя в такой ситуации. Я отдам их с радостью, если выяснится, что они не нужны.

Почему Алтай? Спрашивать себя, почему Алтай, столь же глупо, сколь объяснять, почему воняет чеснок. Он просто воняет, и все, не нужно выдавливать из него теоретические выкладки о ферментах. То же самое и решение об Алтае – там хорошо, и все. Не нужно, верно, убеждать себя в том, что там я обрету душевное равновесие, поскольку там девственные леса,

чистый воздух, ведущие постную жизнь раскольники и шаманы. Хороводить с бубнами я не собирался, становиться членом общины тоже. Туда вело меня сердце – я говорю это искренне, несмотря на резонерский оттенок получившегося заявления. Впервые в жизни меня куда-то вел не мозг, а сердце. Быть может, потому, что сердце не умеет считать и распознавать в окружающих потенциальных покупателей никому не нужного товара. Потому Алтай, что я там ни разу не был, и еще я точно знаю: горы, водопады и тайга – это то, что нужно. Билет куплен до Барнаула, но выйду я раньше. Понятия не имею где, но это должна быть станция, на которой мне захотелось бы выйти. Глянуть в окно, услышать звуки, свойственные перрону, пропустить их через себя и почувствовать присутствие неподалеку места, которое пустует в ожидании меня вот уже двадцать восемь лет. Я был уверен, что не промахнусь с выбором – слишком долго я носил в себе мысль, чтобы ошибиться теперь. Я видел на карте в своей московской квартире Алтай. Городок в двухстах километрах западнее Барнаула. Попробую прислушаться там.

Вдыхая на Казанском вокзале сладкий воздух новой жизни, я устроился на перроне и без намека на скуку дождался поезда. Единственное, что омрачило предвкушение невесомости, было появление передо мной, сидящим на лавке, тучного майора. Собственно, что это майор, я узнал потом, когда поднял взгляд. А в то мгновение, когда я, нежившийся под солнцем, вдруг оказался в тени, взору моему предстали лишь запыленные ботинки (ненавижу неухоженную обувь!) и мятые брюки серого цвета с красным кантом. Не нужно, верно, упоминать о том, как я отношусь и к мятым брюкам.

Посмотрев на предмет, загордивший мне доступ к свету, я прищурился и тут-то увидел, что передо мной майор. Ситуацию я понял так: идет человек на службу, а по пути ему встречается сидящий на лавке с раздутым чемоданом тип, который жмурится, аки кот, и по всему видно, что жизнью доволен. Я знаю многих милиционеров, и на примере наших с ними знакомств знаю, что блаженную улыбку девять из десяти из них понимают как приход после приема психоделиков. Этот, что попросил у меня документы, был из тех девяти. На что он рассчитывал, было непонятно. Видимо, на отсутствие московской регистрации. Но она была.

– Куда следуем, гражданин? – продолжил он допрос, не сводя взгляда с чемодана.

– На другой конец света.

– Шутим, гражданин.

– На Алтай.

– Алтай велик.

Это была единственная умная мысль из всех, что он сказал до и после.

– Пока до Барнаула, а там видно будет.

– Билетик покажем.

Мне нравится этот сленг. Чтобы не унижаться и не разговаривать с людьми на «вы», эти ребята в погонах выдавливают из себя такое «вы», словно вас действительно несколько.

– Можно, я покажу, а он нет?

– Кто – он? – напрягся майор.

– Да ладно, пошутил... – И я отдал ему купейный билет.

Он читал, а я думал о том, насколько хрупок наш мир и насколько уязвима наша общественная безопасность, покуда защитой ее занимаются такие вот парни. Вернув билет, скотина последовала дальше, даже не попрощавшись.

Через час с небольшим я забросил чемодан на полку купе и едва не рассмеялся от легкости, с какой это сделал. Кожаный чемодан, в котором помимо вещей находились любимый шотландский плед и ноутбук, стал моим единственным спутником...

Почему я прожил на земле двадцать восемь лет и меня ни разу не посетила мысль о том, что есть что-то чище и приятнее Куршавеля и Ниццы? Черт бы меня побрал...

До Омска я добрался без приключений, потому что был в полной нирване. Мысли струились, и я смаковал их с полужакрытыми глазами. Со мной в купе катились на восток молодая

мама с ребенком, занимавшие первый ярус купе, и надоедливый ублюдок лет сорока, инженер, как выяснилось. Последний первые часы знакомства присутствия своего ничем не выдавал, как и положено командированным, вырвавшимся из семейного и корпоративного плена дрессированным подонкам. Он привыкал и принохивался. Но потом его, как и положено, прорвало. Такие фрики, оставив дома ошейники и не чувствуя контроля со стороны бдительного состава, через двадцать четыре часа начинают превращаться в малых с распахнутой настезью душой. Не задумываясь о том, что души эти чаще всего напоминают интерьер незакрытого хозяином деревенского туалета, малые приступают к интеллигентному, как им кажется, веселью. Накопив за годы верной службы и безупречной семейной жизни немалое утомление, они сначала проверяют, действительно ли за ними утерян контроль, и, когда в оном убеждаются, трансформируются в самых настоящих сволочей. Им кажется, что вот эта жизнь, когда никто не давит на плечи и не пинает по заднице, – жизнь и есть. И он обязательно жил бы ею, не женись когда-то в спешке и по залету и признай его талант в более известной инстанции, чем в той, в которой он вынужден тянуть ляжку сегодня. Для таких снобов перестают существовать правила нормального поведения, едва мысль о том, что скоро закончатся двое суток, прижмет их к полке купе. Залив сверх нормы не контролируемые отсутствующей супругой двести граммов, младшие научные сотрудники приступают к исповеди. И их решительно не волнует, что, имея их биография даже грохочущие факты, она здесь все равно никому не интересна. Что может рассказать о себе неудачник, у которого на спине потертости от седла и который приличествует в своих манерах только до двух рюмок водки? Две рюмки – норма, контролируемая женой во время похода в гости, и контролируемая лично во время рабочих вечеринок. Переход через эту границу даже посредством лишних пятидесяти граммов означает потерю приличий. Природа берет свое, и если в течение двадцати лет безупречной службы и быта, но при противоположных тому мыслях тренировать организм на двести граммов, то нет ничего удивительного в том, что двести граммов перестают оказывать на организм какое-либо влияние. Розовеет лицо, речь становится мягче и яснее, но это не есть опьянение. Скорее – это верность себе, легкое отдохновение, которое поощряется руководством во время празднования дня рождения директора предприятия и против которого не восстанет жена. Но едва граница перейдена хотя бы на шаг, природа реагирует немедленно. Но именно к этому и стремится фрик, почувствовав свободу. Ему кажется, что он по-прежнему легок в общении и приятен, но этим видением он лишь усугубляет негативное отношение к себе, поскольку приятен он не был изначально, а после и вовсе превращается в свинью. Принцип поведения таких ответственных командированных мне хорошо известен, а поэтому я ничуть не удивился, когда через пятнадцать минут после толчковой тяги состава он сообщил, что хочет со всеми познакомиться, ребенку подарил конфету (я слышал, как он долго вынимал ее из чемодана из запасенных для дома гостинцев), а мне предложил выпить.

Через пару часов, когда состоялось вынужденное в таких случаях знакомство, женщина успокоилась и приложила к имеющейся на столике закуске инженера несколько пакетов провизии, я вдруг решил изменить свое решение и присоединился к компании. Эта встреча и предстоящий, точнее сказать, уже начавшийся без меня разговор показали мне возможностью еще раз убедиться в том, насколько проклят мир, который я оставляю без тени сожаления.

Отнекиваться от водки я счел ненужным, но вынул из чемодана свою бутылку. Пить выкупленный у проводника этил мне не улыбалось. При виде огромной бутылки «Смирновской» с прилагаемым к ней насосиком мой собеседник осел, и в глазах его я увидел уважение и страх. Боже правый, эти неразлучные симптомы я видел в глазах входящих ко мне каждый день в течение многих лет... Но желание выпить настоящего спиртного, как я и предсказывал, перебороло в нем опаску, и вскоре мы сидели друг против друга, и я ощущал, как подкатывает приятное желание сделать напоследок хорошее дело.

Перекинув через плечо полотенце, я вышел из купе и направился в конец вагона. Мне было приятно делать эти простые вещи: войти в тамбур, постоять в очереди, поздороваться с угрюмым мужчиной в сером свитере лет сорока, дымящим и нервно покашливающим, мылить под неудобным соском руки, а потом выйти из пахнущего креозотом туалета. Откуда появилось это эфирное, подогревающее мозг настроение? Мужик в тамбуре скучал, и я подумал, что он уезжает от жены. Серый свитерок, добротные джинсы, сигареты «Парламент» и угрюмый вид – свидетельство отъезда скорого, домашнего. Никаких проблем – оделся и уехал. Он показался мне родным.

После значительного понижения уровня жидкости в бутылке, представлявшейся мне старинной, лесной бутылкой из романа Печерского, молодая мама в нашем купе отчего-то не взволновалась, а, напротив, успокоилась. При этом я заметил, что чувство странной неприязни к нашему соседу у нее не улетучилось, а чувство успокоения в отношении меня, хотя я едва ли перекинулся с ней больше чем десятком слов, увеличилось. Видимо, в глазах моих стояла спокойная вода, в которой отражались вековые сосны. В глазах же моего собеседника мерцала рябь, и чувствовалось, что дело идет к непогоде. Алкоголь в силу крепости моего организма на меня действовал слабо, а из-за ожидания нового он, казалось, и вовсе утратил свои промилле. Она присоединилась к нам и даже выпила граммов пятьдесят, а после отдала на растерзание свою курицу, которую с удовольствием инквизитора разломал инженер.

Вскоре он почувствовал непреодолимое желание поговорить за жизнь.

– Вот ты кто? – жуя и глядя на меня внимательным взглядом, свойственным очумевшим от спиртного людям, поинтересовался он.

Я терпеть не могу такие взгляды. Мне кажется, что они оставляют на моей одежде ласы.

– Человек.

– Человек... – повторил он со вздохом и наклонил голову, чувствуя явное свое превосходство в возрасте, а следовательно, и в умении жить. – Это звучит, хочу заметить, не очень-то и гордо. Людям свойственно называть себя человеками, но откуда ты знаешь, что человек? Что есть такое вообще – человек? Человек – существо биологическое, на восемьдесят процентов состоящее из воды, а потому суть его – вода. Прежде чем называть себя человеком, следует убедить в этом окружающих, ибо не вода есть главенствующее начало в существе полезном, а то, что прячется в оставшихся двадцати процентах.

– В двадцати оставшихся процентах прячутся кости, кожа, фекалии, подготавливаемые к выходу, а также содержащие их кишки – механизмы для нормального обеспечения жизни главенствующих восьмидесяти процентов. – Если он решил поговорить со мной о философии, то я тоже не прочь узнать, где он прячет свою душу.

Такой прыти от пьющего с ним на равных водку представителя нового поколения он не ожидал, однако виду не подал. Ему по-прежнему хотелось убедить меня в том, что я есть вода и ничего больше. Мама между тем собрала ребенка, улыбнулась мне и сказала, что уйдет в соседний вагон поболтать с женщиной, с которой познакомилась на вокзале.

– Важно ковырнуть в себе утрамбованный дерн, обнажить суть и убедить не только себя, но и весь мир, что ты человек.

– А ты, понятно, уже ковырнул? – предположил я.

– Понимаешь ли, в чем дело... – Он поднес свой стаканчик к насосу. – Жизнь человека – борьба за существование. Мы обязаны трудиться, чтобы приносить пользу, обязаны зарабатывать, чтобы кормить семью. И чем выше мы поднимаемся, тем крепче в нас вера в собственную полезность. Вот, к примеру, я. Инженер, каких немало. Нас роится в НИИ страны тысячи, если не сотни тысяч. Но выпади из строя хотя бы один винтик, и механизм разладится. Я несу в себе неповторимую в природе информацию, уникальность, позволяющую использовать меня по назначению. Два часа назад мне было неинтересно, кто ты. Но сейчас, когда в силу опреде-

ленных причин мы вынуждены с приятностью осознавать общение друг с другом, мне не так уж безразлично, с кем я пью.

Первые триста граммов водки – я чувствовал – смыли с языка налет приличия. Дело не в том, что мне вдруг захотелось запеть или начать ругаться матом, просто теперь можно было говорить правильные вещи.

– Два часа назад, не подозревая, человек ли я, ты предложил мне выпить, – сказал я. – Минуту назад ты назвал себя винтом, заявляя при этом, что ты есть человек, существо с уникальным генокодом. А две минуты назад сообщил, что тебя можно использовать по чужому усмотрению. Не слишком ли много противоречий для организма, свидетельствующего о главенстве в нем не восьмидесяти процентов воды, а души?

Ему не понравилось то, что я сказал, потому что из сказанного мною бесспорно следовало, что он мудака. Но сдаваться без боя он не собирался, поскольку пил мою водку и уже только за это меня ненавидел и презирал. А еще за то, что я через два часа после знакомства сообщил ему же о главной трагедии его бытия, тайне, которую он прятал даже от себя во глубине своей души или где-то во глубине другого места, которое он считает своей душой.

– Скажи мне, у тебя есть образование?

– Я историк, если речь о картонной книжке красного цвета с гербом.

– Ты преподаешь?

Мне вдруг подумалось, что этот зашитый в мешок обстоятельств, приговоренный жизнью к смерти человек только что подсказал мне неплохую идею.

– Нет, я вице-президент крупной компании.

Инженер уважительно кивнул, но вскоре по маслено заблестевшим глазам я сообразил, что это не что иное, как пьяная ирония.

– Почему же ты едешь в загаженном поезде, а не летишь самолетом?

Поезд не был загажен. Я повидал всякие, и сейчас могу с уверенностью заявить, что поезд ухожен и чист. При этом я убежден, что мой сосед это знает, поскольку уж кому-кому, а ему-то должно быть хорошо известно, что такое загаженный состав, похожий больше на товарняк.

– Мне нравится, как за окном меняется природа, – ответил я, и мне вдруг показалось, что это правда.

– Командировка?

– Нет. Я бросил работу, дела личные и теперь хочу поселиться там, где меня не достанет шелест цивилизации: вбивание свай, визг тормозов, насвистывание принтера и поддельный стон проституток.

Он долго думал. Уверен, что он ничего не понял.

– И сколько ты зарабатывал?

Я посмотрел на него самым лучистым из всех имеющихся у меня в запасе взглядов:

– Порядка ста тысяч в месяц. Без премиальных.

Им овладела злоба.

– В четыре раза больше, чем я, – проронил инженер, явно бастуя против того, что сосунки типа меня, плохо разбирающиеся в предназначении «человеков», зарабатывают в четыре раза больше него.

– Ты, верно, в крупном НИИ за винта, коль скоро тебе платят двадцать пять тысяч долларов в месяц?

– Долларов?..

Этот вопрос убедил меня в том, что ему стало еще хуже.

Мало-помалу разговор вошел как раз в ту плоскость, какую я хотел миновать. Желание разузнать, отчего придурок типа меня бросает должность за сто тысяч и валит куда-то к барсукам и рысям, тревожило его и гневило, мне же удовлетворять его любопытство было неинтересно.

Через двадцать минут вернулась мама с дитем, и наш разговор продолжился уже в полумраке, потому что дитю следовало спать, а маме участвовать в нашем разговоре было ни к чему. Девушка сама предложила нам остаться внизу, поскольку ребенок ее, как и она сама, любит путешествовать на верхних полках. Я не возражал. Инженеру было до лампочки. Соблюдая неписаные железнодорожные правила, мы вышли в тамбур покурить, чтобы соседи улеглись.

Глава 4

Он не понимал, почему человек, имеющий все, от этого всего уезжает, а у меня наконец-то появилась возможность озвучить для себя недосказанные наитием мысли об отъезде. На том мы и сошлись, хотя и не договаривались. Все получилось само собой, как и уход из купе, чтобы женщина могла переодеться.

– Если твоя поездка не связана с бегством из компании в связи с растратой, то я тебя не понимаю, – выдавил, задыхаясь дымом, но все равно жадно глотая его, инженер.

Мне стало жаль его. Передо мной был несчастный человек, доведенный жизнью как раз до того состояния, когда восемьдесят процентов начинают преобладать и диктовать свои условия.

Еще мне не очень улыбалось, что свидетелем разговора являются посторонние люди. Тот же обладатель серого свитера снова курил, тоскливо поглядывал в окно, за которым ничего, кроме темноты, не было, и пускал медленный дымок из носа. Однако собеседнику моему посторонние не мешали. Он находился в том состоянии донельзя пьяного мужика, который стоит на остановке и беззастенчиво мочится в урну на глазах пятидесяти разнополых свидетелей. То есть он-то хорошо понимает, что делает, а вот другие понять его не могут ни при каких обстоятельствах. Он справляет нужду в урну, заметьте, что не может свидетельствовать о нем как о человеке непорядочном, поскольку мочится он не на асфальт. Что-то подобное из области культуры я видел в Алматы, когда она называлась еще Алма-Атой. Там вдоль всей улицы Курмангазы стоят урны. Приехав в город, я диву дался, сколько там урн. И мне сразу стало неловко за нас, проживающих в городах центральной части России, где в то время на каждую сухопутную милю городской улицы приходилось не более одной, лежащей на боку, урны. Однако, приглядевшись, я оцепенел. Дело в том, что у этих алма-атинских урн не было дна. Люди кидают фантик или сигарету в жерло урны, и предмет тотчас падает на землю, но ПОД УРНУ! Это облегчает работу уборщиков.

И сегодня каждое слово этого инженера, равно как и каждую штампованную фразу бывших моих сослуживцев, я воспринимал как окуроченный брошенный в урну без дна. Тот же вакуум в мыслях, та же безнадежная уверенность в том, что они занимаются действительно нужным, приличным делом. Но чего стоят все эти фразы и дела, если один после первого же провала и непризнания мылит веревку, а этот, с красными глазами, утверждающий, что служит обществу, плюет на пол и стряхивает пепел себе на рубашку?

Там, откуда я уехал, в офисе компании есть менеджер отдела кадров Лариса. Она всем говорит «о'кей», «олл райт» и «как бы», очерчивая тем свои познания в английском. Второй год она говорит о «Солярисе» Тарковского, держит на рабочем столе томик Достоевского (однажды я раскрыл его, и он треснул, как вобла), и, несмотря на эти интеллектуальные выпады, однажды я застал ее на складе, случайно заглянув туда в поисках Бронислава. Грузчик, имени его, естественно, не знаю, порол замужнюю кадровичку Ларису, уперев ее для удобства лбом в штабель коробок с растворимой кашей. Англоязычная беби приводила в негодность своими перламутровыми коготками упаковку, кричала: «Еще, бля, еще, хорошо», и на пальчике ее сияло обручальное колечко. Незамеченный, я ушел, а потом из чистого любопытства зашел в кадры с пустяшным вопросом. Лариса сидела перед каким-то кандидатом-идиотом, отправившим свое убогое резюме по факсу, и беби Лара говорила ему: «Я хочу, чтобы вы поняли... Здравствуйтесь, Артур Иванович... Наша компания – как бы одна большая семья, подчиненная единой корпоративной дисциплине... Зарплата, на которую вы сейчас как бы можете рассчитывать, это пятьсот долларов... О'кей? Со временем, через три месяца, когда закончится испытательный срок, вы сможете получать от двух тысяч...» Отправители резюме по факсу не знают одной маленькой тайны, которую хранят компании, подобные моей. Через три месяца,

спалив физические и интеллектуальные возможности идиота дотла, его вышвырнут, придравшись к мелочи. И он уйдет, заработав за три месяца 1500, хотя в объявлении «Крупной международной компании требуются...» стоит – \$ 2000 в месяц. На его место придет другой идиот, поверивший в то, что сможет стать членом крупной международной семьи.

А сколько таких Ларисок занимаются творческим бизнесом в других компаниях? Это замкнутый корпоративный круг согласившихся на добровольное сумасшествие единомышленников с одними и теми же правилами поведения. И от одной только мысли, что занимаюсь с этими Ларисками одним делом, у меня начинает трястись ливер. Я – та же Лариска, только разница между мною и ею лишь в том, что ее упирают в коробки с кашей, а меня – с баксами, и потеет за моей спиной не грузчик, а хор совета директоров.

– У тебя есть машина? – спросил я, сообразив, как продолжить разговор с человеком, у которого отъезд москвича из столицы может ассоциироваться только с хищением социалистической собственности.

– Есть, – с вызовом ответил он, и я знаю почему.

– Представь, что дорога – это состояние твоего видения жизни. И вот сейчас она ровна, как зеркало. У тебя возникают какие-либо желания, когда ты находишь такую дорогу?

– Безусловное желание утопить в пол педаль газа.

– Но вот на дороге появляются ухабы, и конца им не видно, и ты знаешь наверняка, что ремонт подвески стоит дорого и что это твоя, а не чужая голова будет биться о потолок...

– Ну, что дальше, дальше-то что? – засуетился он.

– Что делать будешь – вот резонный вопрос, должный подсказать тебе правильное решение.

– Я сброшу скорость, – не думая, ответил он.

– Уже хорошо. А если не сбросишь?

– У меня пятнадцать лет водительского стажа, молодой человек, – зло произнес он, – хотя дураков на дороге много, преимущественно молодых, все больше на «Мерседесах»...

Я был доволен. Дурак на «Мерседесе», конечно, я, но я все равно был доволен. Он просто не знает, что «Мерседесы» я презираю.

– А вот дорогу круто повело вверх, – снова изменил я обстановку, провоцируя ответ.

– И я переключаюсь на низшую передачу, иначе мотор не потянет. – Он пьяно присмотрелся ко мне: – Это что, водка?

– Нет, это правда жизни. О тебе и обо мне, – сказал я. – Когда твоя жизнь превращается в дорогу с ухабами и ее постоянно тянет вверх, приходится сбрасывать скорость и переключаться даже «Мерседесам». Хотя дураков на дороге, ты прав, много...

– И ты переключился? – с пьяным сарказмом уточнил инженер. – Со ста тысяч долларов в месяц, с успеха в жизни, с понимания важности своего существования – ты соскочил только потому, что захотелось тишины и покоя?

– Я просто не вижу причин, которые заставили бы меня, преуспевающего бизнесмена, находиться в одном вагоне и разговаривать с измученным судьбой и не имеющим никаких перспектив человеком, который о важности своего существования говорит лишь после пятисот граммов водки и только в отсутствие своей жены.

– Если я пил твою водку, то это не значит, что меня можно оскорблять, – надулся, словно индюк, мой инженер.

Перейдя на соответствующий его аристократическим поползновениям тон, я похлопал его по плечу и сказал, что хочу спать. Эта дрянь мне порядком наскучила. Точно такое же ощущение я испытывал последние три месяца работы в компании.

Мужик в сером свитере молчаливо согласился с той мыслью, что два часа ночи – самое время для сна. Вмяв окурочку в консервную банку, прикрученную к окну посредством крышки и играющую роль пепельницы, он вышел из тамбура последним.

В этом поезде тоже одна большая семья, чьи интересы и корпоративная дисциплина подчинены неписаным правилам. Накурился – вали спать. Проснулся – вали жрать. Пожрал – вали курить, читать и спать.

Как жизнь? – Жизнь проходит.

Через полчаса мой новый друг растянулся на своей полке и заснул сном человека, которого анестезировали перед предстоящим коронарным шунтированием.

Я по причине совершенства здоровья лишь потеплел. Пару раз в откинувшуюся дверь заглядывали «каталы», но, не обнаружив в купе никого, кто, по их разумению, мог, имея крупную сумму денег, сыграть в карты, удалялись. Пришел проводник, сообщил, что есть чай (в три часа ночи). Сам он, судя по его трепещущим губам, пил другой напиток. Ближе к утру проводник пришел еще раз, поинтересовался, не видел ли я его дерматиновое портмоне с кармашками для билетов пассажиров. Получив отрицательный ответ, постоял еще с минуту, глядя на мелькающие за окном столбы, и вышел. В следующий раз я увидел его только ближе к обеду следующего дня. К тому же времени проснулся и инженер.

Словом, если не считать погони какого-то лопуха за одним из картежных дел мастером, закончившейся дракой в соседнем вагоне, дорога до Омска показалась скучной и однообразной. Мама с малышом сошли, и дальше до Павловска я ехал с инженером в полупустом купе.

Инженер по имени, которое я позабыл тотчас, как мы познакомились, с похмелья выглядел беспомощным ребенком. Выражение непрощаемой вины застыло на его лице резиновой маской и сохранялось на нем до тех пор, пока я снова не вынул свою бутылку. Две порции водки освежили глаза моего спутника, и – невероятно! – какое перевоплощение случилось с ним за пять минут! Он снова превратился в рыцаря без страха и упрека, пил, куражился, ходил в ресторан высматривать одиноких женщин. Впрочем, в полной мере ему удавались лишь первые два начала. Женщин же он в своих трико с вытянутыми коленями не интересовал, а очки его в роговой оправе на высоте полутора метров от земли женщин не столько интересовали, сколько раздражали. Через два часа он окончательно утратил со мною связь, чему я был очень рад.

Под Карасуком неожиданно выяснилось, что у инженера закончились деньги. Это стало очевидным, когда он за полчаса до прибытия направился было приобретать у проводника, который к тому времени уже находился в состоянии анабиоза от возлияний, очередную бутылку сибирской водки. Сие открытие настолько взволновало человека, знающего свое место в жизни, что у него обвисло лицо, после чего он стал думать. Мысли его далеко, как видно, не зашли, и он уставился на меня долгим взглядом. Взгляд был такой подозрительный, что им впору было затягивать узел галстука под воротником рубашки.

– Денег нет, – сказал он мне. – Сюда никто не входил?

Встретив на оба вопроса молчание, он решил прощупать меня еще одним способом:

– Милицию вызвать, что ли...

Никого вызывать он не стал. На вокзале его встречала жена. Радостным для женщины был только первый поцелуй. Но даже он выглядел каким-то сдержанным, поскольку супруга инженера была из тех женщин, что улавливают запах алкоголя изо рта любимого на расстоянии прямого выстрела.

Через пять часов я вышел на вокзале крошечного, наверное даже не обозначенного на карте городка. Народу со мной вышло немного, и все с кладью. Две бабки, подросток с рюкзаком и мужик в сером свитере. Кажется, он всю ночь не спал. Иначе объяснить синеву под глазами и изнеможенный вид невозможно.

Главная примета таких городков – рынок у вокзала. Туда-то я и направился, сгорая от нетерпения узнать, чем тут кормят рабочий класс и приезжающую ему на помощь трудовую интеллигенцию.

Но сначала трудовая интеллигенция в моем лице направилась в привокзальный сортир, за посещение которого требовалось отдать пять рублей бабке с бородавкой на носу. Лицо ста-

рухи было изъедено рытвинами, бородавка свисала с носа, как сопля, один глаз был мутным, второй смотрел в сторону. Я мысленно похвалил за находчивость владельца этого туалета и еще месяц назад без тени сомнений предложил бы ему место начальника региональных продаж в компании. Желание сохранить пять рублей перед желанием обосраться от ужаса при виде этой бабки испарялось как-то само собой.

Стоя перед писсуаром, я смотрел в зеркало (еще один брайтный кейс президента этого толчка) и думал о том, сколько лиц оно помнит. Не исключено, что вот здесь же, вот так же, с легким равнодушием и без претензий, смотрели на себя «Братья Грим», шаманы, вызванные для семинаров в Москву, члены коллектива «Аншлаг»... да мало ли кто. Все приехали, посмотрели и уехали. А я остался.

Терзаясь любопытством, ради интереса я открыл дверцу одной из кабинок и на уровне пояса, то есть на уровне лица, если бы старуха напугала меня так, как задумывалось, обнаружил такое же зеркало. Этот президент был настырный малый со своей философией. Всех посетителей своего заведения он уверяет в том, что стоит подумать и о душе тоже. И теперь я точно знаю, в какой момент и где именно Цветаевой пришли в голову эти строки:

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда вам путь
И где пристанище.

Глава 5

Я шел по улице с чемоданом, колотившим меня по ноге при каждом шаге, и с удивлением кивал каждому, кто со мной здоровался. Хотелось бы посмотреть, как такое возможно в Москве. Вот я иду по Кутузовскому, а мне все кивают: негры, китайцы, проститутки украинские, олигархи, их шлюхи, армяне, ремонтирующие проезжую часть, таджики, у которых проверяют документы менты... Чудная картина. Здесь же все было просто до безобразия. Идет по улице провинциального городка молодой человек высокого роста, надежный в плечах и с осторожностью во взгляде, а всем безразлично, кто он. Главное, что с чемоданом, главное, что приехал... Добро пожаловать, Артур Бережной!

К концу дня оставалось решить два вопроса. Первый: работа. Второй: жилье.

С работой я определился без проблем. Дипломированные историки в таких местах с целью устроиться в школу появляются редко, чтобы не сказать – вообще не появляются. Директор встретила меня как родного. Разговаривая с ней и слушая незамысловатую лекцию о величии и благородстве учительского труда, я вспоминал допросы наших кадровиков при приеме на работу новых сотрудников. С лиц людей, оказавшихся в цепких лапах штучек из отдела кадров, капал пот. Их грузили теорией об ответственности «каждого винтика» за деятельность всего механизма, убеждали, что работа почетна, трудна и нет ничего лучше для прибывшего, чем стать частью одной большой семьи, называемой «компания». На самом деле новичку по большому счету ничего не нужно было делать. Его роль сводится к постоянному передвижению и повторению главных заповедей компании. Таких людей используют как проститутку во время «субботника», выбивая разумное начало и пичкая информацией, которая не пригодится им в жизни больше нигде, разве что в другой компании.

Здесь же все выглядело убедительно. Учителей не хватает, и мы рады, что вы один из тех, кого не смущает удаление городка от федерального центра. Однако, конечно, удивительно, что молодой человек с красным дипломом, такой энергичный и красивый...

– У вас нет проблем с законом?

– Почему вы так решили? – не столько удивился, сколько растерялся я. Одно дело услышать это от бухого фрика, сорвавшегося с цепи как бешеная собака сразу, едва к тому стали располагать обстоятельства, и совсем другое – от дамы в годах, преподающей русский язык.

– Я слушаю вас, и мне кажется, что вы могли бы преподавать в вузе. В Москве или, ну... если не в Москве, то в Алтайском университете – точно.

Говорить о том, что меня не интересуют деньги, я не стал. Выглядеть идиотом мне не улыбалось. Меня действительно деньги не интересовали, но вряд ли здесь это кто-то поймет.

Я слушал директрису, и голову мою напрягала мысль о том, что, быть может, я приехал не туда. Не исключено, что стоило удалиться еще дальше, туда, где вопросы о деньгах не встают так остро. К примеру, в тайгу. Однако воздух, этот воздух, врывающийся в открытое окно кабинета директора и пьянящий мой мозг, убеждал своего хозяина в том, что такого воздуха нет нигде.

Вопрос с жильем решился еще быстрее.

– Вам нечего тратить деньги на съемные квартиры, – заявила понимающая толк в учительских проблемах директриса. – К школе примыкает пристройка, в помещении две комнаты. Я прикажу убрать оттуда парты и навести порядок. Добро пожаловать в мир знаний, учитель Бережной...

Вот так.

И через час я обзавелся новым знакомым, и близость с ним в будущем будет иметь знаковое для меня значение. А тогда все получилось случайно, как случаются все великие в мире открытия. При подобных же нелепых обстоятельствах яблоко треснуло Ньютона, Оппенгеймер

по пьяни нечаянно расщепил атом, а английские операторы BBC, заплутав, открыли в Восточном полушарии неизвестный мир.

Зайдя в магазин, чтобы купить лимонаду, – после ночной оргии у меня сильно першило в горле от губ до прямой кишки, я замешкался в дверях с чемоданом и получил мощнейший удар по носу дверью. Накопившаяся после «Смирновской» кровь радостно хлынула из обеих ноздрей, и конца этому ручью не было видно. Окровавленный, как трехсотый спартанец, я выволок чемодан на улицу и стал лапать себя по карманам в поисках платка. Остановить кровавый поток матом не получалось, платок не находился, и неизвестно, какой вид я имел бы в первый же день своего появления в городке, если бы меня сзади не схватила чья-то сильная рука и не повалила на скамейку.

– Лежи и не трепыхайся! – услышал я над головой, и мне почему-то захотелось подчиниться этому голосу.

Мужчина лет тридцати завис надо мной, как фонарный столб, надавил на переносицу и, вынув из кармана свой платок, быстро скрутил его в трубку. Через мгновение я с ужасом ощущал, как в обе ноздри мои вползает ткань. Однажды я читал у Чехова, как молодой человек, оказавшийся в чужом городе, улегся спать в постоялом дворе, а ночью пришла старуха и поставила ему клизму. Молодой человек, полагая, что здесь так принято, не протестовал, а поутру выяснилось, что старуха просто ошиблась. И я лежал, чувствовал, как мой нос набивается материей, и на всякий случай не протестовал. Не исключено, что здесь так принято.

Повторно велел не трепыхаться, мой почти что сверстник куда-то исчез, но вскоре появился с бутылкой «Бонаквы». Через пять минут он шел по улице, а я, умытый разрекламированной водопроводной водицей, плелся позади него с чемоданом. Мой спаситель оказался главврачом местной больнички. Следуя в ранний час на работу (я вспомнил майора), он увидел истекающее кровью неизвестное ему лицо и, вспомнив полную версию клятвы Гиппократата, решил принять в моей жизни активное участие.

В больнице я рассказал ему, ничего не тая, кто я, откуда и почему здесь. Он поморщился (я потом понял отчего), достал спирт, и вскоре я чувствовал себя еще лучше, чем по выходе из вагона. Больных не было, в провинциальных городках болеют только тогда, когда весь городок выпьет осетинской водки или подвергнется нашествию энцефалитных клещей, и вскоре мы почувствовали, что могли бы быть гораздо ближе, чем пациент и лекарь. Переодевшись у него в соответствующие моему внутреннему состоянию белые брюки и рубашку, я вышел из больницы чуть веселый и гордый тем, что новатором в части бегства из столицы не являюсь. Игорь Костомаров, главврач, тоже когда-то кипел в Питере и даже докипел до звания кандидата наук. Но потом вдруг решил, что лучше быть Авиценной здесь, чем медбратом там, и теперь вместо пластических операций питерскому бомонду вправляет выбитые на Масленице провинциальные челюсти и полощет фурацилином периферийные глотки. Сейчас у него другое мнение. Он хочет обратно.

– Ты не представляешь, до какой степени здесь раздражает местный колорит, – сказал он. – И днем и ночью одни и те же рожи...

– А ты думаешь, в Москве не одни и те же рожи? – расхохотался я. – Это только так кажется, что Москва огромный город! На самом деле там днем и ночью – одни и те же рожи...

– Да ты не понял, – огорчился Костомаров. – В театр хочу. На улице нужду малую справить хочу не на завалинку чужого дома, а в экологическом туалете. Сапоги резиновые осточертели. Костюм висит, словно на похороны берегу...

Понятно... Его мучит идея, полярная по смыслу моей.

Разговевшись до неприличия, я выдал ему историю о спрятанной в лесу выручке с «Кайена». Он расхохотался и предложил отнести часть в храм, чтобы господь приметил мои благие намерения.

Минуту я сидел неподвижно, а потом нетрезвая благодарность за мудрый совет стала разливаться по моему телу, как истома.

– А что, я так и сделаю! – решительно пообещал я. – Сегодня же!

В первые дни дела у меня обстояли неважно. Оказывается, управлять коллективом в несколько тысяч человек и даже на расстоянии в несколько тысяч километров куда легче, чем классом учеников в двадцать голов в непосредственной близости. Бестолковая, бродящая по школе с затычками в ушах от CD-проигрывателей поросль уже через неделю напоминала мне свору щенков, находящихся в пубертатном периоде. Налицо были все признаки поведения альфа-существа в замкнутом помещении: неповиновение, баррикадирование отношений. Учителя говорят, что проигрыватели – это полбеды. В райцентре, где существует такое понятие, как «роуминг», учителя сходят с ума от рингтонов от Трахтенберга. Что касается девочек, то, по моим подсчетам, шесть или семь оказались в меня влюблены. Последнее причиняло мне массу хлопот в связи с тем, что это были самые красивые девочки городка. Ненависть тех, кто был, в свою очередь, влюблен в них, не знала границ, и меня разве что не вызывали на дуэль. Шестнадцатилетние отроки, страдающие по утрам поллюциями, в мечтах своих, верно, не раз били меня в подворотне, однако наяву никто из них не решался даже бросить в мою сторону косога взгляда. Восемь лет вынужденного бодибилдинга в качестве примера для сотрудников фирмы превратили когда-то просто стройного молодого человека в молотобойца с распирающими ворот рубашки трапециевидными мышцами, и я уверен: молодые люди, ненавидя мою персону, всеми силами старались быть на меня похожими.

До моего прихода просвещением по части истории занимался один пожилой человек, имени которого я сейчас не припомню даже под пытками. Старичку пора было идти на пенсию, и, судя по тому, с каким оживлением его туда спроваживали, он пользовался не слишком-то большим расположением среди педагогического состава. Его постоянные письма с рационализаторскими предложениями изводили не только директора, но и всех учителей. Изобретать что-то в семьдесят лет дело рискованное, и, может быть, к его самомоющимся доскам и электрическим указкам относились бы более благосклонно, если бы на уроках, начав параграф о столыпинских реформах, он не продолжал бы абзац по этой теме абзацем из темы об опрочинине Ивана Грозного. При этом выходило у него весьма складно, и даже приезжавшая, как говорят, комиссия из роно этот переход не сразу улавливала. Словом, человеку пора было на пенсию. Для той же Москвы семьдесят лет – не возраст, Москва привыкла, что почти всех из государственного комсостава выносят из служебных кабинетов вперед ногами и в более преклонных годах. То есть человек в голове уже держит чертежи электрических указок, но продолжает руководить районным или даже областным правосудием или Думой.

Словом, со старичком, говорят, пришлось повозиться. Его торжественно проводили, вручив положенные по этому случаю часы. Его предложение вести внеклассные занятия с минимумом часов понимания в роно не нашло.

Я рассказываю об этом так подробно, потому что в диковинку мне были и эти немудреные, лишенные всякой предприимчивости отношения, и – удивительное дело – я вдруг почувствовал, что занял место этого уважаемого старичка, отдавшего пятьдесят лет школе, и чувствовал от этого неудобство. Мне думалось, что оно никогда не пройдет, так же как любовь Анны Ильиничны, Анечки, как ее звали в школе, но мои необоснованные душевные терзания по поводу того, что подсел ветерана, закончились сразу после одного случая. На второй день своей службы в школе я встретил бывшего учителя истории, поздоровался, а он вместо приветствия похлопал меня по плечу и сказал приблизительно следующее: «Ничего, ничего, пройдет время, и поймешь». Сказано это было с той стариковской снисходительностью, с какой прощается молодым и необразованным идиотам курение в подъезде. С этого момента мое неудобство исчезло, и рассказы старика в клубе о том, как ему пообещали подарить по выходе на пенсию палатку и не подарили, я воспринимал уже с провинциальным спокойствием.

С первых же дней в меня влюбилась учительница биологии Анна Ильинична. Застенчивая девушка, краснеющая от одного только моего взгляда в ее сторону, она была влюблена в меня безответной любовью, и я не без огорчения становился свидетелем тому, как она страдала и сохла. Но в ту пору мне казалось, что любовь истинная приходит сама, а потому, если сердце при виде этой хрупкой и невероятно стыдливой девушки не дрожит (я не понимаю, как с такой застенчивостью она преподавала биологию), значит, это не любовь. И ставим на этом точку. Прости, Анечка, что я не упомяну о тебе более ни разу и что вспомнил о тебе только для нанесения последнего мазка на пасторальный лубок моего пребывания в городке.

Как я был предупрежден заранее, все классы, в которых я преподавал, тотчас разбились на две приблизительно равные по своему количественному составу аудитории. Первая старалась очаровать меня, вторая все свои силы тратила на то, чтобы вогнать меня в гроб. В этой борьбе за социальную справедливость и в уравнивании тех и других до обычного уважения я чувствовал, как оттаивает моя замерзшая в столице душа и как по-новому раскрывается для меня суть такого простого явления, как существование на земле.

Подчинять себе классы удавалось легко по той причине, что я никогда не говорил по так любимым в учительской среде конспектам. С удивлением обнаруживая, как университетские лекции сами собой всплывают у меня в голове, стоит только задать им тему, я даже улыбался на уроках от радости познания. Больше всех мне нравился сын завхоза администрации Жорка. Тринадцатилетнее существо, с лицом, усеянным веснушками, и вечно растрепанной рыжей головой ходило на уроки как на каторжные работы. Если бы не порки, регулярно устраиваемые отцом, он бы, верно, вообще не ходил в школу. По причине того, что Жорка собирался стать космонавтом, а в случае неудачи – шпионом, он учил только астрономию, а поскольку астрономию в седьмом классе, где он учился, не преподавали из-за промашек в школьной программе – недогадливые методисты роно не подозревали, что Жорка собирается стать космонавтом, – то можно смело свидетельствовать о том, что Жорка не учил ничего из того, что преподавали. Однако уже через два дня, то есть ко второму нашему уроку, он выразил свой интерес и даже несколько раз приходил ко мне в пристройку, чтобы выяснить те или иные непонятные для него моменты Смутного времени правления Лжедмитрия. Историю он полюбил, но все остальное время Жорка проводил за более важными занятиями. За школой он крутился на турнике (готовил себя к центрифуге в Звездном городке) или пилил рашпилем куски магния, смешивая затем опилки с марганцовкой и взрывая эту смесь под окнами директорского кабинета. За отсутствием в городке стадиона и других спортивных сооружений Жорку всегда можно было найти за школой на полосе препятствий.

После уроков я возвращался домой, и ощущение того, что из тела моего выходит смог столицы, только усиливалось. Я был предоставлен самому себе, я ни за кого не отвечал, и никто не отвечал за меня – замечательная концепция будущего для человека, отказавшегося от столичных пробок и совещаний. Несмотря на то что я жил в городке всего неделю, я все реже вспоминал Бронислава с его непрекращающимися идеями покорения рынка, и с каждым днем исчезало по черточке из его портрета, поднимаемого мною из глубины памяти, и вскоре, когда я припоминал президента могущественной компании, передо мной являлся лишь двойной подбородок, сочные губы и прическа. Глаза этого человека – глаза, зеркало души! – я позабыл точно так же, как и нос, и голос. Ни за какие красоты мира я не поменял бы сейчас пахнущий полынью ветерок Алтая на ежемесячные посиделки в актовом зале, когда все исходят потом и дурным запахом в ожидании суммы, которая окажется в премиальном конверте. Этот замаскированный под любовь скорострельный нетрезвый секс на корпоративных вечеринках, походы в кино на новые творения Бондарчука, командировки по обмену опытом... Все это, вместе взятое, не стоит одного вечера у реки, когда солнце, пресытившись днем, опускается за край земли.

Я вспоминаю свой последний разговор с Брониславом, когда я еще не думал о вечерах у реки, а он не предполагал, что я когда-нибудь о них задумаюсь.

– Нам нужен этот контракт, Артур. Нужен как воздух. Предоплата в четыре с половиной лимона зеленых – кто еще спустит нам такие деньги? – Он поглядел на меня с нескрываемой президентской любовью, точно зная, кому говорить спасибо за такую предоплату. – Я не понимаю, как ты их окрутил, клянусь богом. Заставить питерских предоплатить пятнадцатимиллионный контракт четырьмя с половиной – это нечто! Артур, мы возьмем пятьсот и расколем пополам. По бухгалтерии я все проведу правильно... Но как ты их окрутил?

Восторг от того, что от четырех с половиной миллионов можно отсечь пятьсот тысяч и поделить на двоих, замыв следы в бухгалтерской чаще непроходимых формул, – вот предел истинного счастья для лучшего из тех, с кем я прожег шесть последних лет в самом дорогом городе мира.

Мне почему-то кажется, что Бронислав, случись так, что он присядет рядом со мной на этот берег в десятом часу вечера, будет говорить не о том, как тает в воде солнце, а о планах компании на октябрь. У него есть на примете поднимающаяся фирма, которая готова взять на консигнацию сто тысяч единиц каш...

Кажется, я нашел ту сотню очков, что добились Журова. Именно сейчас, сидя на берегу реки и швыряя в расплывающийся по воде кровавый блин солнца камни, я понял и успокоился. Долгие годы этот человек занимался не своим делом и не хотел этого понимать. Он хотел стать начальником отдела, полагая, что тогда наступит рай. Но уже через полгода свою цель он видел бы в виде кресла вице-президента. И все эти годы, что он двигался к нему, он убивал бы своих детей, не замечал уходящих от него жен, и рано или поздно на него накинута бы Черная Пес.

Водители-дальнобойщики утверждают, что на дорогах живет Черная Пес. Когда силы шофера на исходе, когда от усталости чувствуешь на голове волосы, когда дождь хлещет по трассе под одним и тем же углом, Черная Пес бросается с дороги на водителя и впивается клыками в горло. И водитель уже не принадлежит себе, он во власти дороги, и она делает с ним что хочет...

На меня бросилось кое-что похлеще пса, но и должность у меня, согласитесь, не топ-менеджера, а вице-президента. По Сеньке шапка...

Журов умер, потому что должен был умереть. Так рано или поздно случается с теми, кто презрев свои правила жизни, пытается облагородить своим смирением корпоративные. Но это невозможно. Штекер Журова подойдет к материнскому разъему любой компании, но это будет штекер менеджера. У начальников отделов разъемы другие, и мне очень жаль, что Журов не понял простой истины: на всякого Журова всегда отыщется свой Бережной.

Мы должны были уйти оба. Сюда, на берег далекой алтайской реки. И он не думал бы о своем ребенке как о пачке масла и не велел бы жене вырезать его и выбросить в урну. Он плакал бы от счастья, поднимая его над своей головой.

Жаль, что я не прихватил с собой водки. Глядя на почти утонувшее в водоеме солнце, я помянул бы всех детей, погибших в этой войне.

Глава 6

Спрятанная в лесу выручка за «Кайен» мною была сознательно позабыта, мне доставляло недюжинное удовольствие жить на свой счет. Единственная крупная трага, которую я себе позволил, произошла через два часа после знакомства с Костомаровым. Вернувшись домой, я раздвинул в своем логове шторы и, к удивлению своему, обнаружил, что прямо из окон моей пристройки видны золотистые купола...

Я не помню, когда в последний раз был в храме. Я никогда не видел в этом нужды. Но сейчас, опьяненный российской глубинкой, я шел мимо крепко стоящей на улице Осенней церквушки и решил зайти. Не знаю, что на меня нашло, но я подошел к старушке и тихо заговорил о том, кому нужно молиться страннику. «Вообще Троеручице... Но нужно перестилать пол, – пожаловалась она, подсказав заодно и о Николае Чудотворце. – Стены красить надо, – сказала. – Крыша худая, а денег нет».

Я ушел и через час вернулся. Ровно час мне потребовалось для того, чтобы раскопать схрон и вынуть три из одиннадцати пачек. Все они были новенькие, и купюры такие острые, что ими можно было бриться. Выдавая мне в банке один миллион и сто тысяч, кассирша с удовольствием бросала их мне в лоток. Я благодарно принимал и наблюдал за тем, как увеличиваются в правильной последовательности порядковые номера купюр. Ни одной старой, все только что с печатного двора... Вот и сейчас, вынув три, что лежали сверху, я удивился тому, с каким безразличием взял их в руки. Для меня это были уже не деньги, а эхо вчерашнего дня, стихания которого я никак не мог дожидаться.

«Прямо беда с этим ремонтом», – увидев меня снова, пожаловалась служка. И тут я вынул из кармана сверток и отдал старушке. И ушел. Она говорила, что пятьдесят тысяч взять неоткуда. И сразу после этого церковь в забытом богом городке получила триста. Старушка не знала меня, я не знал батюшку, возможно, это и явилось причиной того, что меня никто не благодарил.

А вечером того же дня я совершил прямо противоположный, алогичный поступок. Прогуливаясь по городку, я вдруг понял, что думаю о компании. Поразивший меня вирус жил и продолжал точить мою только что спасенную душу. Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг наехал на шлифующую подошвами асфальт старуху, которая, по моим подсчетам, видела царя, да не одного, я тихо поздоровался и спросил, не знает ли она какой бабушки, которая заговаривает хворобу. И тотчас мне был показан дом с потемневшей от старости, но еще крепкой крышей, выглядывающей из-за труб домов соседней улицы.

Бабушка Евдокия оказалась энергичной восьмидесятилетней женщиной. Я рассказал ей о компании, о своем капитале, о мыслях, тревожащих меня, о внезапно посетившем меня озарении и посетовал на невозможность отречься до конца от старого и вдохнуть новое. Она слушала меня около получаса, а потом попросила руку и, сжав ее, закрыла глаза.

Клянусь богом, которому, впрочем, не доверяю, такого страха я не испытывал даже в тот день, когда на меня с небес бросилось нечто. Старуха поджала нижнюю губу, минуту не дышала, а потом завыла, как собака. Клянусь, как собака! Я хотел вырвать руку, но она держала ее стальной хваткой. Откинувшись назад, она тяжело дышала и постанывала. Продолжалось это секунд сто, и каждая из них показалась мне минутой.

– Милый ты мой... – прошептала она, разжимая влажные веки. – Откуда в тебе столько?

– Душа у тебя мечется, – продолжила она в ответ на мое предложение закончить дело вторым сеансом после восьми. – В узлах она у тебя, детка... Ищут тебя, за спиной ходють... Грозу над тобой вижу, касатик, молнии яркие, небо суровится, но не от господ сие... Не отпускают тебя силы, возвратит хочут...

– Да кто хочет-то?

Старуха прикрыла глаза и ослабила хватку.

– Повстречается тебе человек скоро... или уже повстречался... Не верь ему. Откажи. Отрежь. Душа твоя истощена, слаба... Куды повести ея, туда и побредет...

После того как я полчаса излагал бабке свою биографию, нетрудно было предположить, что привели меня сюда не хорошая жизнь и не берега зефирные. Я всегда изумлялся простоватости светских нимф, посещающих таких вот ясновидящих. Расскажут о себе все, начиная с пеленок, заканчивая вчерашним неудавшимся сексом, а потом ходят под впечатлением рецензии, выданной при свече. И секс у них скоро наладится, и за деньгами их альфонсы гоняются, и верить можно второму мужчине во вторник, а первому и третьему по средам давать никак нельзя.

– Бойся, касатик, – попросила меня на прощание старушка, – оглядывайся... Возьми иконку в храме и повесь над кроватью... Да не в этом бери, а в дальнем... Серые люди с темными лицами тебя пасут, агнца, аки волки...

«Люди в сером, – подумал я, усмехнувшись. – Третья часть с Томми Ли Джонсом и Уиллом Смитом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.